

Эн Варко

Я - Тайиґа

Эн Варко
Я – Тайига

«Издательские решения»

Варко Э.

Я – Тайига / Э. Варко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901835-9

Я, воспитанница Института благородных девиц при монастыре Святого Иеремиа, сама не поняла, как очутилась в теле Тайиги — самого загадочного существа из окраин Преисподней. Да еще и не одна. Да еще и для того, чтобы охранять неисправимого бабника, картежника и бретера.

ISBN 978-5-44-901835-9

© Варко Э.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Институт благородных девиц	6
1. Пленник	6
2. Спасительница поневоле	10
3. Ночные приключения продолжаются	16
4. Смерть моя, иль ты приснилась мне	21
5. Одна жизнь на двоих	27
6. Кошка не мурлычит – они так рычат	34
7. Сокрушительная сила любви	41
8. Престарелая невеста	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Я – Тайига

Эн Варко

Редактор Клэр Вирго

Иллюстратор Игорь Мальцев

© Эн Варко, 2017

© Игорь Мальцев, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4490-1835-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Институт благородных девиц

1. Пленник

На угольно-черном троне восседало само сосредоточие Тьмы: злое, разумное и невероятно могущественное. Это ощущал каждый присутствующий в этом огромном зале. Люди и нелюди почтительно застыли по обе стороны от красной дорожки, внимая своему повелителю:

– ...а посему Мы, Теор Центур из рода Центуров повелеваем. Ты, Риан Севил Центур, для обуздания собственной гордыни приговариваешься к...

Далее с трона полилась какая-то абракадабра. Она была похожа на орочий мат: непонятно ни слова, но уши горят все сильнее, и хочется провалиться сквозь землю. Хотя провалиться мне хотелось не только от произносимых слов, но и от одного вида тех, кто присутствовал в зале.

Женщины выглядели скорее раздетыми, чем одетыми. Самой целомудренной частью их гардероба были сапоги-ботфорты. Струящиеся прозрачные одеяния не скрывали ни ног, ни животов, ни плеч. Из более плотной материи лишь усыпанные бриллиантами пояса и лифы. Да и то лифы здесь использовались явно не по назначению. Вместо того, чтобы стыдливо прикрывать груди, их наоборот заставляли вздыбливаться крутыми полушариями. И при этом никаких нашейных платков! Мужчины тоже вызывали оторопь. Если дамы красовались в мужской обуви, то их кавалеры кутались в длиннополые кафтаны, смахивающие на женские халаты, только при бронированных поясах с оружием. В ушах как мужчин, так и женщин, искрились бриллианты немыслимой величины.

Виновник всего этого сборища стоял перед самым тронном. Его руки, ноги и шея сковали кандалы, цепи от которых, как шлейф, держали два одноглазых великана. При одном только взгляде на узника я чуть не упала в обморок: он стоял с обнаженным торсом! Но разве во сне можно потерять сознание?! Я даже глазами своими не управляла. Они, потеряв всякий стыд, жадно разглядывали незнакомца. Надо признать, выглядел мужчина величественно. Черные волосы непокорными волнами разметались по широким плечам, в ярко-желтых очах горело неукротимое пламя, крупные губы кривились в презрительной усмешке. Был ли он красив? Не знаю. Слишком надменен, слишком холоден, слишком опасен. Да-да, опасен. Несмотря на то, что обмотан с ног до головы цепями. Как сказала бы моя нянюшка, приличным девушкам от такого следует держаться подальше. Подобные типы – словно бубонная чума. Пройдется такой по улице, а ты уже залетела... Ой, в смысле, заболела. Хоть и сидишь в своей комнате, запертая на все засовы...

– Лира Савойская, я задал вопрос...

Резкий толчок верной подруги в бок заставил очнуться. Учитель укоризненно взирал на меня. Мол, от тебя-то, Лира, я такого не ожидал.

Последнее время я стала непривычно рассеянной. Этот сон мне снился уже несколько ночей, а сейчас до того дошло, что я отключилась при свете дня. С этим нужно срочно что-то делать!

А все потому, что у нас отменили занятия. Я всегда замечала – стоит только в нашей размеренной жизни чему-то одному случиться не так, как и все остальное идет наперекосяк. Вот и тут. Казалось бы, что такого? Вместо того, чтобы читать скучные лекции о деяниях святых, учитель вывел нас на задний двор посмотреть на монстра из Разлома. Его поздней ночью привез с собой Нэлиус Светозарный – канцлер Его Величества Мариона Великолеп-

ного. Девчонки шептались, что он приехал к нам не просто так, а чтобы встретить невесту наследного принца Корнэла и помочь отобрать ей фрейлин для своей свиты. Разумеется, эта новость будоражила воспитанниц института благородных девиц сильнее, чем жуткий Зверь из Преисподней. И вместо того, чтобы почтительно внимать рассказу отца Птольцуса, воспитанницы перешептывались и непрестанно метали взгляды на Южную Башню. Именно там разместили почетного гостя и его свиту.

В отличие от остальных, я пыталась слушать нашего учителя и полными слез глазами смотрела на монстра в клетке. Пленник канцлера сейчас лежал на боку, вытянув вперед изуродованные лапы с выдранными когтями. Когда-то мощные крылья были обрублены, а все тело покрывали язвы. Самая жуткая рана зияла на правом плече: с темной коркой и извилистыми трещинами, сквозь которые проглядывала огненно-красная плоть. От такого ужаса в животе образовался холодный комок, голова гудела, а зубы ныли самым противнейшим образом.

Говорил учитель по обыкновению тихо, а возбужденное жужжание однокурсниц сильно отвлекало. В результате получалась какая-то каша.

– Этот год выдался для нашего Закатного королевства особенно трудным. Три луны, как и шесть лет назад, опять соседствуют на небосклоне. В такие годы близ Разлома местность всегда беспокойна. Недели без сюрприза не проходит. То вампир обнаружится и начнет деревню за деревней высушивать, то демон-суккуб в женском монастыре объявится, то оборотни коровье стадо растерзают. А недавно этот монстр...

– ...мелкопоместная дворянка выходит замуж за нашего принца! Куда катится королевство...

– ...в курятник мэра Печального Удела Зверь из Преисподней забрел...

– ...у ее брата отличные отношения с эльфами. А это нынче гораздо дороже, чем знатный род и многовековая верная служба государству...

– ...лежбище себе устроил. Вот осененные божьей благодатью птицы и устроили переполох от такого соседства.

– ...ясное дело, свободный доступ в эльфийские земли каждый мечтает получить. Лучше служить эльфийским князьям там, чем ожидать очередного нашествия нечисти из Разлома здесь...

– ...Хвала Святой Троице, отец Роптон и магистр Трол в то время у мэра гостили. Они были несколько навеселе, когда слышали петушинный крик. Вооружившись святым пивом, они смело спустились в подворье...

– ...а мне плевать! Чтобы я, потомственная Самирра, стала прислуживать дочери какого-то барона из Чернолесья? Да никогда!

– ...тогда зачем ты все перемены во дворе околачиваешься? Канцлеру на глаза попасть мечтаешь?

– ...увы, курятник спасти не удалось. Магический огонь выжег все подчистую. Вместе с элитными несучками, домом мэра и двумя другими, что к нему прилегали.

– ...а наша Самирра барона Анри Чернолесского все выглядывает. Говорят, эльфийская княжна Олиндэль в брата нашей будущей принцессы по уши влюблена. Ее не останавливают его многочисленные любовные похождения. Я понимаю, он спас ее и все такое... Но так не уважать себя!

– ...Увы, в неравной битве Святая Церковь потеряла своего верного сына...

– Правильно говорят – любовь зла, полюбишь и... В прошлый свой приезд перепортил всех девиц в Эридоре, а теперь собирается в наш институт заявиться. Будет сестре помогать фрейлин отбирать из нас, девочки.

– Ужас! – хором воскликнули мы.

Добрый отец Птольцус прервал бормотание, чтобы осуждающе посмотреть на нас, а потом с присущей ему кротостью продолжил:

– Так почтим память доброго отца Роптона молитвой...

При слове «молитва» все дружно прервали болтовню, рухнули на колени, сложили ладошки у груди и вознесли глаза к небу:

Благословенна рука Сеятеля, жизнь дарующая,

Благословенна коса Жнеца, жизнь забирающая,

Благословенен Великий Контролер, умело отделяющий зерна от плевел.

Пусть душа отца Роптона попадет в руки Сеятеля,

А души его врагов отправятся в Горнило Огненное!

Аминь! Аминь! Аминь!

Презрительное фырканье зверя в клетке заставило меня отвлечься. Его желтые глаза требовательно смотрели на меня. Вот от этого гипнотического взгляда я так некстати и ска- тилась в тот странный сон...

Вопрос отца Птольцуса вырвал меня из небытия и заставил запаниковать. Что верно, то верно, учитель красноречием не обладал, зато все его истории очень познавательны и поучи- тельны. Вот только таких почитательниц, как я, у него раз-два и обчелся. А тут – такой кон- фуз! Ненавижу не оправдывать возлагаемых на меня надежд.

– Какой класс нечисти? – шепотом подсказала вопрос учителя моя верная подруга Нора.

– Простите, учитель. Меня нервирует вид этого существа...

– Богомерзкой твари, – поправил преподобный отец, но смягчился.

Я уставилась на таинственного зверя, тщательно избегая глядеть ему в глаза.

– Сия богомерзкая тварь, – послушно повторила я, – скорее всего, относится к адским порождениям низшего уровня, являя собою богопротивный плод смешения кровей льва ви- лорского, ящера каганатского и...

Тут взгляд остановился на необыкновенно милых розовых ушках. Вот не знаю почему, но они неожиданно растрогали меня до глубины души. Такие же аккуратные и беззащитные ушки у обезьянки нашей классной дамы Агнесс – Пиппино Шелкопузика. Кошки, собачки и прочие зверушки наводняли наш институт. Почти в каждой келье обитал маленький чет- вероногий баловень. Руководство института считало, что страх за своих питомцев позво- ляет держать воспитанниц в узде, к тому же, ухаживая за ними, девушки развивают в себе здоровый материнский инстинкт. У нас с Норой питомцев не было. Год назад нашу Таю – тростниковую кошечку с тигровым окрасом – загрызла такса моей сводной сестры. С тех пор мы никого не заводили, а всю свою любовь посвящали Пиппино. Нора обожала гладить ему животик, а меня умиляли ушки: розовые, слегка просвечивающие и плотно прижатые к головке.

Существо, обладающее такими прелестными ушками, ну никак не может быть крово- жадным. Зря с ним так поступили. Ему же больно!

С трудом сдержав рыдание, я добавила:

– ... и обезьянки леди Агнесс.

Последнее сравнение не на шутку разозлило чудище в клетке. Оно прекратило со снис- ходительным пренебрежением взирать на меня. Богопротивная сущность мгновенно вско- чила, грива на голове вздыбилась, обрубки крыльев задергались, а драконий хвост начал с остервенением бить по полу. Монстр испустил жуткий рык и бросился на меня.

Все воспитанницы в испуге отшатнулись, опрокидывая друг друга и валясь на крытую камнем мостовую. Монстр тоже отпрянул, а в местах соприкосновения с серебряными пру- тьями кожа зашипела и обуглилась. Противно пахло паленым мясом.

– Лира Савойская, никогда... Вы слышите меня? Никогда не смейте упоминать эту достойную женщину в присутствии демонских порождений, подлежащих сожжению.

Учитель даже вспотел от возмущения. Моя сводная сестра Миона и ее подружки (такие же злоязычные стервочки) поговаривали, что у отца Птольцуса и классной Агнесс Отношения. Именно так – с большой буквы «О» и с придыханием. Глядя на пылающего негодованием учителя, я вдруг подумала – а ведь может быть. Моя тетя очень симпатичная женщина, а преподобный отец – хоть и является обладателем пивного брюшка и пухлых щек – мужчина, как говорится, в самом расцвете сил.

Впрочем, я тотчас устыдилась столь нескромных мыслей. Особенно стало стыдно, когда отец Птольцус строго воззрился на нас.

– А ну быстро встали! Негоже взрослым девицам лежать перед мужчиной. Да еще и обнажив ноги.

Я издала мысленный стон. Моя юбка задралась по самые лодыжки! Как я теперь буду смотреть преподобному отцу в глаза? В таком же смятении пребывали и остальные девушки. Мы спешно поднимались и оправляли одежду, пунцовые и нервно хихикающие.

2. Спасительница поневоле

Мне снова снился тот же тронный зал, полуобнаженный мужчина и грозный рык, рвущийся из средоточия Тьмы. Я уже могла различать отдельные звуки, хоть и не понимала ни слова: «феори ор ион севи нэриш харве маркус...» Ну и прочая белиберда. Голова от нее гудела подобно колоколу Святого Иеремии.

Я открыла глаза. Сквозь растрескавшиеся ставни на лицо падал голубоватый свет Призрачной Леди. Наверное, это она виновата в моих снах. Этим летом Леди на редкость крупная и яркая. В принципе, я могла бы просто повернуться, но тогда бы луна меня не разбудила. А у меня на эту ночь великие планы.

С этими мыслями я негромко окликнула подругу, забралась на стол, распахнула ставни и с наслаждением вдохнула пьянящие запахи летнего сада. Кругом царила тишь и благодать. Кровавую Леди и Шальную Ведьму пока скрывало наше здание – мрачный серый замок в виде буквы «П» о трех этажах и с четырьмя надстройками по углам. Мы их называли башнями из-за остроконечных крыш. Монастырский сад внизу окутывало мягкое серебристое сияние Призрачной Леди. Зато серебряные шпили монастыря Святого Иеремиа, находящегося по другую сторону сада, уже гневно полыхали огненно-красным пламенем. Они предупреждали о приближении того момента, когда к своей сестре присоединятся две другие луны.

В такие ночи обычно люди предпочитали прятаться за мощными засовами и закрытыми ставнями. А вот мы с Норой свершали небольшие вылазки в сад. Мы обе тосковали по вольному детству. И этот легкий демарш против жесткой дисциплины за шесть лет здорово нас сблизил.

В первые три года пребывания в стенах Института мы с подругой любили под пение соловьев и загадочное мерцание душистого жасмина помечтать о прекрасных принцах, которые обязательно приедут за нами и увезут в свои чудесные замки, а мы нарожаем им не менее чудесных ангелочков. К последнему курсу большую часть девушек, что поступили вместе с нами, разобрали. Осталось лишь пять старожилок, пять старых дев, которым теперь светило лишь служение Святой Троице при каком-нибудь монастыре. Увы и ах – мы оказались невостребованными невестами. Пинта-хромоножка, косоглазая Сольди, Самирра Припадочная. Ну и мы с Норой. Я из-за запятнанной родословной, а моя подруга из-за отсутствия приданого.

Некоторое время нас это расстраивало, но потом мы стали рассуждать по-другому. А нам надо замужество? Мужнин деспотизм, вечная беременность, детские какашки... Фи! Институт, хвала Святой Троице, предоставлял нам возможность выбора своего будущего. Первый вариант – возвращение домой – отметался однозначно и мной, и Норой. У нее были сложные отношения с отцом, у меня с мачехой. Можно еще стать фрейлиной при какой-нибудь знатной даме. И даже попытаться выйти замуж за какого-нибудь дворянина при ее дворе. Хотя это однозначно не для меня. В роли этой самой дамы воображение сразу рисовало мою сестру – взбалмошную, обидчивую и мстительную блондинку. Представляю, кого бы она мне подсунула. Нет уж, увольте! Был еще один вариант – остаться в институте и стать помощницей классной Агнесс. Тетя меня давно уговаривала. И отец был бы рад. Но вот Нора... С подругой мне расставаться никак не хотелось. Поэтому мы решили с ней проситься в женский монастырь Святого Рохли – величайшего лекаря всех времен и народов.

Быть сестрами милосердия – очень романтично и благородно! Вытаскивать раненых с поля боя, ухаживать за мечущимися в горячечном бреде больными, утешать, выхаживать, заботиться – так мы будем нужны огромному количеству людей. Утвердившись в своем

решении, мы с Норой начали усиленно изучать целебные особенности трав и собирать гербарии.

Сегодняшняя ночь как нельзя лучше подходила для пополнения нашей коллекции. Мы перекинули через окно веревку из связанных простыней и сноровисто спустились со второго этажа в сад.

Кровавая Леди показалась над крышей нашего особняка. Дымка над садом сгустилась до фиолета, а белые жасмины и розы поменяли свой цвет на розовый. Жуткое небесное светило издавна считалось покровительницей вампиров и оборотней. Из-за восточного крыла института выглянула Шальная Ведьма и заиграла на листьях и траве рыжими бликами. Говорили, если у человека есть в крови примесь нечистой силы, то она обязательно себя проявит, когда Ведьма в силе. Призрачная Дева – дарующая напрасные надежды обманщица, любимица лунатиков, влюбленных и сумасшедших – загадочно мерцала над головой. В моей груди все сильнее разливалось сладкое предвкушение...

Люди боялись ночей, когда все три сестрицы собирались на небосклоне вместе. Считалось, что в такие ночи нечисть любит выбираться на лунный свет. Глупое заблуждение! Мы с Норой не раз свершали вылазки такими ночами, но ни одной прогуливающейся нечисти в окрестностях еще не встречали. Вообще никого не встречали. Все живое пряталось, запиралось в дома, забивалось в норы, напивалось святым пивом или просто спало. Что нас с подругой более чем устраивало.

– И все-таки бесогон здесь не тот, – вернулась я к нашему давнишнему спору.

– Ерунда, – заявила Нора и повернулась ко мне спиной. – Помоги, пожалуйста.

Платье сзади у нее топорщилось. В такие ночи у моей подруги всегда вырастал хвостик. Я аккуратно распустила шов, выпуская его наружу. И он радостно завилял, приветствуя свободу. Очень милый – пушистый, черненький и блестящий.

– В трактате Святого Цельбуса говорится, что настоящий бесогон растет только на освященной земле. А если монастырский сад не освященная земля, то какая, по-твоему, освященная? – счастливо вздохнув, поинтересовалась Нора.

– Святой Акакий утверждает, что настоящий бесогон должен испускать свечение, – возразила я. – Именно это свечение и развеивает нечисть, как дым.

Нора понюхала воздух, а потом решительно нырнула в куст терновника

– Чем тебе не свечение? – презрительно фыркнула она, возвращаясь с добычей в виде пучка невзрачной травы.

С первого взгляда похожа на клевер, только листочки не тройчатые, а из четырех долек. Мелкие ворсинки действительно отливали радужкой. Тем не менее я упрямо мотнула головой.

– Он неправильно светится. В книге написано, что вокруг растения должен быть нимб, как над головами Великомучеников. А здесь его нет.

– Лира, ты как ребенок. Нельзя же верить всему, что написано!

– Я ребенок?

– Большой и безрассудный!

– Я?!

– А ты думаешь, я?

Иной раз она меня просто выводила из себя, а сегодня ее и вовсе побить хотелось. Некоторое время мы сверлили друг друга взглядами, сжав кулаки. Я первая глубоко вздохнула и взяла себя в руки.

– Значит, ты сомневаешься в истинности Святого Трактата? – кротко поинтересовалась я.

– Думаю, его не стоит понимать буквально, – Нора попыталась тоже изобразить смирение, но оно ей всегда плохо давалось. – Никто и никогда не видел цветов с ореолом. Знаешь, почему? Потому что их не существует. Понятно?

– «Никто» – это ты про себя? Знаешь, подруга, если ты не видела, это еще не значит, что так не бывает. Святой Акакий утверждал, что настоящий бесогон вырастает лишь в трехлунную ночь из праха сожженной ведьмы. И не просто ведьмы, а искренне раскаявшейся перед смертью в своих прегрешениях. А теперь скажи-ка мне, где недавно сжигали такую ведьму? – торжественно спросила я.

– Ну и где?

– В парке при церкви Святого Акакия!

– О нет! – простонала Нора. – Только не говори, что ты хочешь лететь туда! Это же почти в центре города. Тебя увидят!

– Я очень быстро и очень осторожно, – виновато отозвалась я. – Обещаю, в нашем гербарии будет лучший бесогон на свете!

– Меня и мой устраивает, – насупилась подруга, прижимая к груди букетик.

Мне была понятна ее тревога, но ничего не могла с собой поделать. Мы обе знали, что бесогон – предлог, чтобы полетать. Обычно я соглашалась с доводами Норы и улетала выше облаков или носилась над лесами. Там меня никто не мог увидеть. Но близился тот час, когда мы навсегда покинем город. И мне хотелось напоследок увидеть Эридор в свете трех сестер.

– Если нимба не будет, я помогу тебе закончить Благочинную Пиру, – предложила я.

У нас было принято напоследок дарить своим воспитателям вышитые крестиком портреты в память о нас. Норе не повезло: ей по жребию досталось вышивать Пиру, и она (не со зла, конечно) успела уже здорово там напортачить.

Нора улыбнулась, оценив столь щедрый жест с моей стороны:

– Договорились. Но если тебя поймают...

– Не поймают, – торжественно пообещала я.

Подруга тяжело вздохнула и смирилась с неизбежностью.

О том, что у каждой из нас есть своя маленькая тайна, мы узнали в самый первый год нашей учебы в одну из таких вот трехлунных ночей. Сначала мы не выдавали друг друга из-за страха взаимного разоблачения. Никому не хотелось сгореть заживо на костре. Тем более понапрасну. Мы ведь не злобные ведьмы, а простые девушки со своими маленькими странностями. И случаются они с нами не всегда, а всего пару-тройку раз в году. Со временем общая тайна сплотила нас. Я полюбила Нору всей душой и сердцем. Мне кажется, она меня тоже.

Я не знаю, кто виноват в хвостатости Норы, но мои собственные тараканы достались мне от матери – покойной Эни Немой. Когда во время очередного Трехлунного Затмения Разлом ожил, отец лично возглавил рыцарей, чтобы не дать прорвавшимся в наш мир вампирам захватить Сумеречное Королевство. Нашествие остановили тогда с большим трудом и великими потерями, за что наш добрый король пожаловал отцу герцогский титул и отдал ему Печальный Удел в вечное пользование. Но при этом запретил покидать его. Причиной столь сомнительной милости явилась моя мать. Ее отец нашел в разгромленном стане врага. Девушка сидела на цепи в шатре предводителя вампиров. Она была сильно истощена и от испуга не могла говорить, но хвала Святым, ее не успели высушить.

Незавидная участь пленницы и ее благородный вид тронули отца настолько, что через три месяца справили свадьбу. Этот мезальянс вызвал гнев короля, вылившийся для отца в почетную ссылку. Новоиспеченного герцога это очень тяготило, поэтому через год после смерти матери он поспешил жениться повторно. В этот раз гораздо удачнее – на графине Элиоре Туанской, состоявшей в дальнем родстве с одним из эльфийских княжеских родов. От этого брака родилась Миона – на редкость противная блондинка с внешностью ангела.

С прошлого года она тоже находилась в Институте, но думаю, пробудет она здесь недолго. К ней уже выстроилась очередь из самых знатных женихов пяти королевств. Миона хвасталась, что она до сих пор в институте лишь по одной причине – отец не желает прогадать с выбором мужа.

Что же касается моей мамы – о ней я всегда слышала мимоходом и лишь от дворни. Эти скудные сведения заключались в следующем. Во-первых, мама обладала дьявольской красотой, которая и свела с ума моего отца. Во-вторых, она так и не заговорила, за что получила прозвище Немая. В-третьих, жизнь ее была недолгой – умерла она, как только родила меня. В-четвертых, ее приданым стал сломанный черный меч с огромным алмазом на рукояти. Его вместе с пленницей извлекли из вампирского шатра и несколько раз пытались перековать, но безуспешно. Впоследствии меч этот отец подарил королю – страстному коллекционеру оружия, отобранного у нечисти, а алмаз отдал своей сестре, когда она приняла сан. О пятом не говорили. Но по внезапному молчанию и косым взглядам на меня нетрудно было догадаться – маму считали ведьмой. И меня подозревали в том, что я унаследовала ее богомерзкие способности.

Мне неизвестно, какими такими способностями обладала моя родительница, но если я и унаследовала от нее что-то – так это браслет и легкую форму сумасшествия. Обнаружилось это, когда мне исполнилось тринадцать лет, вскоре после того, как я стала девушкой. В замке, согласно обычаю, по этому поводу объявили великий праздник. Испачканная простыня неделю трепетала как знамя, собирая всех окрестных мух. А вокруг меня копошились лекари, монахины, нотариусы и писари. Нужно было собрать кучу справок, чтобы по осени отправить меня в Институт благородных девиц.

Надо ли объяснять, что акт взросления меня тогда сильно расстроил. В детстве я любила с деревенскими ребятами купаться на озере, собирать грибы и ягоды, гонять наперегонки на лошадях или играть в Святую Инквизицию, а теперь мне предстояло на неопределенный срок быть замурованной в каменные стены.

В одну из своих последних ночей в отчем доме я увидела вещий сон. Мне приснилась высокая женщина с печальным лицом и такими же зелеными, как у меня глазами. Она стояла абсолютно голая рядом с могилой моей матери, и три луны бросали на ее кожу разноцветные блики. «Я тайига», – прошептала леди, выразительно глядя на меня. Потом она отодвинула камень на одном из столбов ограды, достала оттуда браслет и надела себе на правую руку. Тело тотчас окутала дымка, а когда она развеялась... Не видела ничего в жизни прекрасней – за спиной ее распахнулись два крыла. Они походили на лебединые, но были гораздо больше и темнее. Незнакомка вся светилась, пронизанная трехлунным светом. На меня смотрел ангел! Но самое большое потрясение я испытала, когда она взмахнула крыльями, и я вместе с ней вдруг устремилась ввысь...

Меня так впечатлила реалистичность того сна, что утром первым делом я отправилась на кладбище. И почти не удивилась, когда в том же самом месте обнаружила браслет. Будучи дочерью герцога, я неплохо разбиралась в драгоценностях, но ничего подобного никогда прежде не встречала. Черные змейки, причудливо переплетенные между собой, казались живыми. Сон не обманул и в другом. В следующую ночь я впервые опробовала браслет... Могу сказать одно – в реальности получаешь несравненно больше удовольствия от полета, чем во сне. И я поняла, что не могу больше жить без этого.

В Институте я вынуждена была прятать браслет в тайнике снаружи, так как наши кельи постоянно проверялись на предмет посторонних вещей. И летала я крайне редко. Только когда становилось совсем невмоготу. Как сегодня ночью. Нора всегда в таких случаях сильно переживала, что меня кто-нибудь увидит. Однажды даже попыталась спрятать от меня браслет, но змейки чудесным образом ожили и так ужалили ее, что моя бедная подружка целую неделю пролежала в горячке.

Как бы Нора ни боялась, но наотрез отказывалась возвращаться без меня в келью. Каждый раз дожидалась на подсобном дворе, подавала мне платье, а потом мы вместе возвращались домой, счастливые, что и в этот раз все обошлось.

Вот и теперь подруга обреченно последовала за мной в наше укромное местечко. Это была небольшая площадка в торце здания. Здесь прислуга развешивала выстиранное белье, хранила садовый инвентарь и прочие нужные в быту вещи. Сюда же под вечер перевезли клетку с несчастным богомерзким созданием, чтобы он не пугал своим видом девушек. Я ненадолго задержалась перед зверем. Он не спал, и его золотые глаза тоскливо взирали на Призрачную Деву.

– Тебя просто сожгут в честь прибытия принцессы, а потом у тебя все-все будет хорошо, – попыталась его ободрить. И себя, кстати, тоже. Ведь меня тоже может ожидать похожая участь, если не повезет.

Зверь поднял морду с изуродованных лап и презрительно фыркнул. Я поспешно отвернулась, чтобы не встречаться с золотистым взглядом, и заглянула под крыльцо. Место было очень удобным, так как в этой части здания окон не было, а с другой стороны нас скрывал густой сад. Когда-то под крыльцом пряталась дверца в винный погребок, но с недавних пор ее замуровали. Правда, раствор положили не очень качественный, поэтому пара камней легко выходила из кладки, чем я и пользовалась.

Я скинула одежду, передала ее Норе и засунула руку в тайник. Но стоило змейкам обвить запястье, как все вышло из-под контроля.

– Ой! – взвизгнула я.

Неведомая сила потащила меня вдруг к клетке.

– Ты куда, сумасшедшая? – встревожилась Нора.

– Это не я, – пропыхтела я.

Постаралась затормозить ногами – бесполезно. Пятки лишь оставляли глубокие борозды на земле. Из спины выпростались крылья, и я отчаянно замахала ими. Думала улететь, но стало лишь хуже: меня еще быстрее понесло к клетке со зверем.

Опомнившись, верная Нора бросилась на помощь. Она обхватила меня сзади, попыталась оттащить назад, но вместо этого беспомощно затрепыхалась вместе со мной. А потом меня впечатало в решетку так, что ребра затрещали. Серебро полыхнуло и раскалилось, глубоко вгрызаясь в кожу.

– М-мм, – промычала я, стараясь не заорать.

К счастью, боль длилась недолго. Одна из змеек обвила решетку. Клетка заискрилась и погасла, по телу пробежала теплая волна, и неприятные ощущения исчезли. Хуже оказалось другое. Я никак не могла отлипнуть от клетки, а Нора от меня. Тайнственная сила продолжала удерживать нас.

В ужасе я уставилась на монстра. А он на меня. Причем он не просто смотрел. Он разглядывал! Глупость, конечно, стесняться животного, но моя нагота стала вдруг меня смущать. И сильно. А от этого страх катастрофически быстро перерастал в панику. Особенно, когда зверь не торопясь приблизился ко мне и оскалился.

– Не трогай меня, – прошептала я. – Я молодая! Я жить хочу!

И тогда богомерзкое существо лизнуло меня в щеку, потом опустило голову и потерялось о... хм.. в смысле, потерялось... Я вскрикнула.

– Он тебя ест? – испуганно пискнула Нора.

Она никак не могла отодрать себя от моей спины и барахталась, словно муха, попавшая в мед. Все это было крайне неловко.

– Н-нет! Ай! Прекрати это немедленно!

Богомерзкая тварь принялось вылизывать мне живот и при этом урчать. Или рычать. Поди разбери эту тварь. Я принялась отчаянно извиваться в попытке вырваться.

– Теперь ест? – спросила подруга.

Далась ей эта еда!

– Отпусти! – взвыла я. – Ну пожалуйста!

«Браслет, – вдруг возник в моей голове мужской голос. – Отдай его. Отпущу».

Лишиться крыльев? Никогда!

– Нора, – пропыхтела я. – Где твой бесогон?

Она с трудом протянула руку к моей ладони. Сжав заветный букетик, я почувствовала небольшой прилив сил.

– Изыди! – приказала я, тыкая им твари в морду.

Тот чихнул, потом выхватил букетик и брезгливо отшвырнул вглубь клетки. А потом горячий язык снова прошелся по мне. Только теперь по ноге. От бедра и выше.

– Держи! – зашипела я, дрожа как от озноба.

Я просунула монстру другую руку. Теперь уже с браслетом, но чудовище не спешило прерывать свое богомерзкое занятие.

«Произнеси ритуальную фразу».

– Какую фразу? – простонала я.

– Да что он делает? – с возрастающей тревогой спросила Нора, пытаясь выпянуть из-за плеча.

Как же она меня достала!

«Ты знаешь», – прожег меня золотым взглядом монстр, ненадолго прерывая занятие.

А потом его горячий язык...

– Мамочки! – в ужасе выдохнула я.

Мысль о мамочке, к счастью, прояснила мозги. Я вспомнила леди с такими же, как у меня, глазами:

– Я тайига... я тайига... я тайига, – зашептала я, как молитву. – Забирай браслет, урод! Чтoб ты исчез! Улетел! Провалился сквозь землю!

Когда змейки послушно соскользнули с моей руки ему на лапу, чудовищное притяжение закончилось. Монстр на мгновение пропал из вида, а мы с Норой грохнулись на землю.

– Мой хвост! Ты сломала мне хвост, – принялась стенать подо мной подруга.

Я попыталась подняться, но тут воздух сгустился. Надо мной навис богомерзкий охальник из клетки. Только теперь вместо жутких обрубков у него были крылья. Два прекрасных темно-серых крыла!

– Мои крылья, – взвыла я. – Урод, ты украл мои крылья!

«За урода ответишь», – пообещал этот гад. И улетел.

Мне хотелось плакать. Я чувствовала себя униженной, а главное – меня лишили самого лучшего, что у меня было в жизни.

– Он тебя все же укусил? – встревоженно спросила подруга.

– Хуже, – вздохнула я. – Я больше никогда не буду летать.

– Хвала Троице, – облегченно вздохнула Нора. – Давай, Лира, одевайся. Надо уходить. Если узнают, что мы выпустили чудище...

Это привело меня в чувство. Взявшись за руки, мы бросились домой.

3. Ночные приключения продолжаются

Хоть за шесть лет мы и наловчились карабкаться по простыням, все равно определенные неудобства присутствовали. По большому счету институтская форма служила благой цели. Она помогала классным дамам воспитывать из нас девиц скромных и знающих себе место (которое, как известно, с краю), но при этом изысканно-утонченных. Так, глубокие капюшоны плащей были не оторочены атласом, а набиты песком – для того, чтобы держать головы всегда смиренно опущенными и скрывать нас от нескромных глаз. Обувь у нас не из мягкой кожи, а настоящие деревянные тиски – ведь благородная леди полна терпения, а ее ножка изящна и мала. Наши платья не с зауженной талией и пышными юбками, а просто узкие, с утягивающей сзади шнуровкой – в таких много в столовой не поешь, а главное, в них невозможно ни бегать, ни даже быстро ходить – только семенить. И если перед нашими вылазками плащи и обувь мы просто снимали, то проблему с платьями во время перемещений через окно приходилось решать по-другому.

Я оглянулась и с наслаждением вздохнула пьянящие ароматы сада. Сумрачно и тихо: ни листик не шелохнется, ни веточка не хрустнет, ни птичка не вскрикнет. Мое любимое время суток! Мир замер на перепутье. Еще несколько минут, и восток начнет светлеть; три сестрицы, побледнев, поспешат восвояси; у Норы исчезнет ее хвостик, а меня перестанут раздражать сожаления по утраченным крыльям. Жизнь войдет в привычную колею.

С такими мыслями я задрала юбку на пояс, поплевала на руки и подпрыгнула. Ступни привычно пропустили простынную веревку между собой, превращая ее в ступеньки. Несколько быстрых рывков – и я у окна. Оно узкое и небольшое, поэтому протиснуться в него дело не из легких. Но мы с Норой худенькие и ловкие. Я подтянулась, перекинула тело через подоконник, ловко спрыгнула на стол, оттуда на пол. И в очередной раз испытала глубочайшее облегчение. Конечно, приятной сегодняшнюю прогулку трудно было назвать: потеряла я значительно больше, чем приобрела. Но главное – нас с Норой никто не заметил. Я прошептала благодарственную молитву Святой Троице и взялась за кувшин с водой. После приключений меня всегда мучила адская жажда.

И только я хотела наполнить кружку...

– Ай! – очень тихо, но с глубочайшим отчаянием выдохнула Нора.

Она уже наполовину показалась в окне, но нырнуть в комнату почему-то не спешила.

– Что? – шепотом осведомилась я.

Меня охватили пренеприятнейшие предчувствия.

– Кто-то держит, – потерянно сообщила она.

А потом взвизгнула и свалилась в келью. Следом рухнуло что-то еще. Темное и большое.

Некоторое время мы с Норой рассматривали незваного гостя. Но луны уже поднялись слишком высоко, и келья погрузилась во мрак. А вот новых незваных гостей не хотелось. Я бросила взгляд на окно. Нора поняливо кивнула и бросилась закрывать ставни, а я зажгла свечу.

Незнакомец оказался довольно молодым. Во всяком случае, морщины на его лице отсутствовали. И симпатичным: высокие скулы, тонкий прямой нос, красиво очерченные губы. Глаза закрыты, но большие, с пушистыми, как у девушки, ресницами.

Мы склонились ниже, и сразу в нос ударил отвратительнейший пивной запах... При всем моем уважении к святому напитку я на дух не переношу ни его вкус, ни запах. К этому «аромату» примешивался еще один – солоноватый, с легким металлическим оттенком. Я осторожно дотронулась до темных волос. Влажных и слипшихся. Кровь. Похоже, наш незваный гость основательно приложился головой.

– Эй, ты жив? – испуганно спросила Нора.

Незнакомец ответил самым неприятным способом: выгнулся дугой, захрипел, а на его губах выступила пена.

Мозг лихорадочно заработал. Конечно, по правилам мы обязаны немедленно вызвать нашу классную даму. Вот только на вопросы, которые начнет задавать нам Агнесс, отвечать очень не хотелось.

– Неси ночной горшок, – решительно приказала я.

С трудом, но получилось сделать так, чтобы незнакомец лег на мое колено лицом вниз.

– Черт! – зашипела я.

Попытка засунуть ему пальцы в рот чуть не сделала меня калекой. Зубы у парня оказались острыми.

– Нора, подай пестик... Только заверни во что-нибудь, чтобы он зубы себе не переломал.

Принадлежность для растирания семян целебных трав оказалось очень кстати. Да и мой способ обращения с пришельцем тоже. После первого приступа рвоты парень сполз с меня.

– Дальше... я сам, – прохрипел он.

Да мы и не настаиваем! Я с облегчением отошла в сторону, тщательно протирая руки носовым платком. Но глаз с незнакомца не спускала. Как и Нора. Она держала наготове перевязочный материал, а на лице сияло предвкушение: подруга уже примеривала на себя роль будущей сестры милосердия. Мы прочитали много трактатов по оказанию помощи раненым, а тут такая возможность применить знания на практике! С одной стороны, я ее понимала. И в другой ситуации, возможно, даже поспорила бы с ней за право самой обрабатывать рану. Но сейчас, глядя, как незнакомец содрогается над горшком, терзалась сомнениями.

Всем известно – святое пиво вызывает у нечисти судороги и смерть. Поэтому получается, что мы спасаем богомерзкое существо. А значит, наш поступок очень негативно воспримется Святой Троицей. Но с другой стороны, на парне серо-голубой балахон из грубого сукна. В таком ходят лишь послушники монастыря Святого Иеремиа. Причаститься там святым пивом любили. И порой не знали меры. Я лично видела однажды, как в саду тошнило двух перепивших служителей церкви. Но опять же возникает вопрос – что делает послушник в институте благородных девиц? У нас не то чтобы мужчин не бывало. Бывали, конечно. Но редко и исключительно по личному разрешению епископа Иеремийского.

Незнакомец с трудом разогнулся. Опомнившись, я бросилась к своему плащу. Еще не хватало, чтобы этот типчик взялся разглядывать меня. А вот Нора замешкалась.

– Давайте я вас перевяжу. Пожалуйста!

Некоторое время он рассматривал ее, поджав губы. И от этого скептического оценивания мне стало обидно за подругу. Ну да, Нора нарушала эльфийские каноны красоты, где в почете бледность и благородная меланхоличность. Но по мне — легкая смуглость подругу только красила. И мне нравилась живость ее лица. Обычно его то и дело озаряла улыбка. Сначала она вспыхивала в огромных глазищах цвета спелой вишни, потом касалась уголков губ. А когда подруга гневалась – ее верхняя, слегка припухшая губа начинала дрожать и забавно приподнималась. Только сейчас моя подруга стояла как истукан и не сводила взгляда с парня. Выглядела она престранно: губы облизывала, румянец в пол-лица, к груди бинты судорожно прижимала.

Да он ее зачаровал! Во мне вспыхнуло раздражение. Я уже собиралась обрушить на наглеца содержимое ночного горшка, когда парень шевельнулся, а его губы раздвинулись в кривоватой ухмылке.

– Давай, – согласился он.

А потом сделал ужаснейшую вещь: сел на кровать Норы и притянул мою подружку к себе. Я от такого просто остолбенела!

– Что вы себе позво... – пискнула Нора.

– Исключительно для вашего удобства, моя милая леди, – проворковал этот невозможный типчик.

И наклонил голову. Нора в растерянности обернулась ко мне, но я не знала, что сказать. С одной стороны, такая близость к мужчине возмутительна и недопустима. С другой стороны, а как оказывать помощь, не приближаясь? К тому же у меня парень вообще лежал на коленях. И ничего – от меня не ubyло.

Вздыхнув, подруга взялась за дело. Наблюдая за тем, как она бинтует, я поняла великую вещь: быть сестрой милосердия очень непростая задача. В трактате Святого Магмуса все выглядело довольно просто: нужно лишь один кусок бинта положить на темечко, а другим обматывать голову так, чтобы получился чепчик с завязками. Мы с Норой неоднократно тренировались друг на друге и никаких трудностей не испытывали.

Но здесь с подругой что-то случилось: руки дрожали, а бинт то и дело норовил выскользнуть из рук. Поднимать его оказалось неудобно – парень снова впал в бессознательное состояние. Чтобы не упасть, он вынужден был все крепче сжимать Нору. Я неодобрительно покосилась на его руки: они неприлично глубоко забрались под шнуровку платья подруги и касались кожи. Попыталась вспомнить, что в таких случаях советовал делать Святой Магмус, но, как назло, ничего путного не приходило в голову.

Бинт очередной раз выпал из неловких рук. Подруга наклонилась, и голова раненого уткнулась ей в грудь. Я поняла: необходимо срочно вмешаться.

– Может, у меня лучше получится?

И мстительно прищурилась. К черту богоугодное смирение благородной дамы: пара затрещин наверняка взбодрит умирающего.

Но моих слов оказалось достаточно. Парень встрепенулся и уставился на меня наглыми глазами:

– Вряд ли. Хотя можешь попробовать что-нибудь другое перевязать. Попозже...

И впился в губы подруги. От столь великого святотатства я почувствовала себя оглушенной. Творить такое в институтских стенах! Я думала, что сейчас грянет гром, презренный растлитель вспыхнет в очистительном пламени и осыплется пеплом. Но ничего подобного не произошло. А поцелуй все длился.

Привела меня в себя звонкая пощечина. Моя подружка, злая (не побоюсь этого слова) как собака, отскочила от кровати. Ее возмущение оказалось столь велико, что платье сзади опасно встопорщилось. У Норы от стресса снова начал расти хвостик. Из моего горла вырвался странный звук: что-то среднее между шипением и рычанием. Нам обоим стало ясно: все это время над нами просто издевались.

– Не кипятитесь, девушки. Меня на всех хватит. Хотите по очереди, хотите на пару. Любой каприз.

– Немедленно покиньте помещение, – Норе первой удалась членораздельная речь.

– Это еще почему? Мы еще не закончили, хвостатенькая, – он достал из-за пазухи фляжку, отхлебнул и протянул нам. – Давайте, девочки, за столь волнительное знакомство. Настоящий левинский коньяк, между прочим.

– Убирайся. С моей. Кровати.

Нора задыхалась от гнева. Я тоже. Сначала типчик ворвался в келью, затем посягнул на девичью кровать, осененную Священной благодатью. А потом и вовсе руки распускать начал! Мы его, значит, спасли, а он вместо благодарности решил превратить Нору в падшую женщину... Нам преподобная матушка Тетра рассказывала, что Святая Троица метит

распутных женщин печатью порока. Мы с девочками пытались выпытать, как выглядит эта печать, на что наша директриса неизменно изрекала:

– Ее невозможно описать, но любой благочестивый человек сразу поймет, о чем я говорю, когда увидит такую особу.

Я скосила на подругу глаза, и ничего порочного пока не обнаружила. Только хвостик. Но он у нее был и до поцелуя.

Между тем этот наглый тип продолжал испытывать наше терпение.

– Так это твоя кровать, хвостатая? Уютненькая. Да не кипятись ты так. Давай, иди сюда, лапонька. Хочешь, поиграем еще в медсестру и больного? А нет, так что другое придумаем.

Он взбил подушку и разлегся, раскинув ноги и подложив руки под голову. Из горла Норы вырвалось утробное рычание, и она напряжинилась, готовясь к прыжку. А мне вдруг показалась удивительно соблазнительной шея типчика. Чувство было настолько сильно, что я нервно сглотнула, а ногти на руках начали расти и заостряться.

– Да ладно, – хмыкнул этот прохиндей. – Шучу я. Слаб я еще. Отлежаться бы мне надо...

Он вдруг замолчал и выразительно приложил палец к губам. Вот он только что лежал на кровати, а уже на столе. Движения были столь неторопливо-бесшумны и в то же время стремительны, что я невольно залюбовалась. И напряглась. Этот типчик все больше и больше казался опасным.

Между тем он осторожно приоткрыл ставни и прислушался.

– Ну как? – услышали мы хриплый голос за окном.

– Кто-то Тайигу выпустил, – второй собеседник являлся обладателем гнусавого тенора.

Первый выругался так жарко, что уши запылали. Мои нервы не выдержат такого количества испытаний за ночь! Несмотря на то, что львиную долю пожеланий Святой Троице я не поняла, общая направленность пожеланий была понятна благодаря учебникам по врачеванию. Я потрясенно села на свою кровать, а рядом со мной опустилась Нора. Судя по прерывистому дыханию, столь же потрясенная.

– ...Надо было сразу парня прикончить. А ты: «Нам за живого большая награда полагается». Теперь нам такую награду отдают! Ур-род... Да нас теперь на ремни распустят да собственные кишки жрать заставят. Что теперь делать будем?

– Заказчику скажем, что у нас его Тайига отбила, – нашелся гнусавый. – А уж кто ее выпустил – знать не знаем, ведать не ведаем. Да не дрейфь ты так – куда парень от нас не денется. Мы же ему руну Тайиги вырезали. Сдохнет Зверь – конец парнишке.

– А если выживет? Что тогда-то?

– Кровь-то с клинка я так и не смыл...

– Кровь, говоришь? – хрипач ненадолго задумался. – Ладно, давай сюда свой ножик. Я к заказчику наведу. Доложить о том, что произошло, все равно придется. Авось выкрутимся. А ты давай здесь подстрахуйся. Вызывай Рыжего и Хлыща на подмогу.

– С ума сошел?! Да если они узнают, что мы наследника Дома Теней пытали, да еще в пленении Тайиги замешаны, они нас на куски порвут!

– А мы им не скажем. Намекнем, что их Прынц в беде, а Тайигу мы сами от святош освободили. Типа, мы – благородные спасители. Теперь их очередь землю копытами рыть на благо Империи. Ну а мы последим за этими умниками.

Раздался тихий гогот довольных друг другом собеседников, а затем хрипач продолжил:

– Все-таки повезло, что похититель бесогон в клетку бросил, следы все развеял. Теперь никак не узнать, кто в действительности Зверя выпустил. Здорово повезло. Ну ты... это... пару часов здесь попасись. Вдруг наш пройдоха где-то рядом прячется...

Когда голоса смолкли, незнакомец озабоченно почесал подбородок.

– Ну что, лапули, придется вам меня еще немного потерпеть.

Я не удержала скорбный вздох, на что парень невесело усмехнулся:

– Не волнуйтесь, к утру я вас покину. Эти твари дневной свет не особо жалуют.

И не обращая больше на нас никакого внимания, он улегся на кровать Норы и почти сразу захрапел.

Остаток ночи прошел беспокойно. Нам с Норой пришлось делить одну кровать. Раздеваться мы, разумеется, не стали. А поверху еще и одеяло накинули, чтобы посильнее отгородиться от опасного незнакомца. В результате потели сильно и чесались. А еще Нора постоянно так и норовила ткнуть меня локтями или коленями. Они оказались у нее неприятно острыми. Судя по ее ворчаниям, соседством со мной она также была недовольна.

Наконец, я заснула, и мне снова снился тот тревожный сон. Тьма на троне вещала, и ей замороженно внимали все, кто находился рядом. Слова заклинания впечатывались в мозг, как гвозди в крышку гроба, а зал обволакивала красная дымка. Стены за нею уже не проглядывались, а фигуры придворных казались размытыми тенями. Только узник виделся по-прежнему отчетливо. Я разглядела татуировку на его плече. Там был изображен... Изображен...

– Лира, чего не отвечаешь? Спишь, что ли?

С трудом разлепила глаза. Сквозь трещину в ставнях пробивались лучики зарождающегося утра. Голова гудела, словно натруженный колокол. Я еле сдержалась, чтобы не застонать. А вот моя подружка, напротив, чувствовала себя очень и очень неплохо. Облокотившись на подушку, она взирала на меня мечтательно блестящими глазами.

– Нет уже, – недовольно пробурчала я. – Сама чего не спишь?

– Не спится, – вздохнула подружка, а потом вогнула меня в ступор вопросом. – Как ты думаешь, он женат?

Вновь встревоженно вгляделась в подругу. И опять не обнаружила печати порока. А вот дебилизма – да. Весьма отчетливо. Это разозлило.

– Мы же с тобой собирались в сестры милосердия! Забыла?!

– Да нет, не забыла, – успокоила она меня. – Мне просто интересно. Он такой красивый. Вон как разрумянился!

Румянец на парне действительно присутствовал. И мне он сильно не понравился. А когда приблизилась и померила пульс, то не на шутку испугалась:

– Знаешь, Нора, а у нас проблема, – сообщила я. – Большая проблема.

4. Смерть моя, иль ты приснилась мне

Я похлопала парня по щеке. Он что-то пробормотал, но так и не очнулся. Святые угодники! Да от него несло жаром как от печки!

– Вот и что прикажешь теперь делать?

Я обреченно вздохнула. Надежда на то, что поутру он исчезнет, испарится, растает как утренний туман, развеялась как дым. А значит, в скором времени состоится знаменательная встреча парня с Благочинной. И тогда...

Зажмурилась. Помотала головой. Не помогло. От предчувствия грядущего кошмара я почувствовала озноб. Благочинная сестра Пира имела обыкновение ежедневно инспектировать комнатухи воспитанниц. И не было такого тайничка в стенах нашего института, который бы она не отыскала. Куда только ни прятали девушки небольшие сувениры от родных и близких: зашивали в матрасы, запихивали в мышинные норки, заталкивали в небольшие проемы в стене... Бесполезно. Нашей Пире благоволил сам великий Контролер. Периодически то одну, то другую несчастную она собственноручно отхаживала розгами. И если за сокрытие пудреницы присуждалось десять ударов, а за коробочку засахаренных фруктов – пятнадцать, то сколько получим мы с Норой за обнаруженного у нас мужчину? Этот вопрос сводил меня с ума.

А вот Нору нет. Она рухнула на колени перед несносным типчиком и принялась обтирать ему лицо мокрой тряпицей.

– Это я виновата! – всхлипнула она. – Вот зачем, зачем я ударила его? Да еще в раненую голову. О, милостивый Сеятель, теперь из-за меня он умрет от воспаления головы!

– Вы оба больны на всю голову, – вспыхнула я. – Затрещина – это твой единственный правильный поступок. Нечего было в нашу келью лезть и руки распускать.

– С чего ты взяла, что он руки распускал? Он просто не хотел упасть. Ослаб, вот и держался за меня. А потом, мне было совсем-совсем не больно. Даже приятно.

– Ты про поцелуй?

Подруга зарделась и невольно провела по губам.

– Ну, поцеловал. Не казнить же его за это? Посмотри, – она нежно освободила его лицо от слипшихся прядей. – Он же на ангела похож!

– Вот и давай отправим этого ангелочка туда, где ему место, – буркнула я. – Чтобы сам не мучился и другим проблем не создавал.

И вдруг поняла – а мне нравится эта идея! А что? Он и так уже на ладан дышит. Если подушку к лицу приложить да надавить посильнее... Я явственно представила себе, как сестра Пира влетает в наш учебный класс. Вся красная, с засученными по локоть рукавами и пучком розог в мужеподобной руке. «Мадемуазель Волковская, не могли бы вы объяснить, что на вашей кровати делает мужчина? Мадемуазель Савойская, вас мне тоже очень интересно послушать!» Мы со своих мест тихонько так поднимаемся, капюшоны пониже опускаем и начинаем поскуливать на тему: «Знать не знаем, ведать не ведаем. Уходили – никого в келье не было. Не виноватые мы. Он сам пришел». И тогда наша классная дама сестра Агнесс вмешивается (она нас всегда защищает): «Оставь, Пира, девочек в покое. Не видишь разве...»

– Да как ты могла даже подумать такое?! – взвилась подруга. В этом негодовании все черновые наброски нашего будущего спасения сгорели как сухая труха. – Он ведь кому-то брат или сын...

– Или муж, – поддела подругу раздосадованная я.

Но Нора не обратила на подковырку внимания. Вновь склонилась над шалопаем. И ведь нет, чтобы просто очередной раз увлажнить лицо. Надо елозить мокрой тряпкой

по щекам и шее, испуская при этом томные вздохи. Я почувствовала, что меня сейчас стошнит, и отвернулась. И почти сразу услышала стон:

– Пить...

– Лира, чего застыла! – встрепелась подруга. Она приподняла парня и села на кровать, устраивая на своей груди его голову. – Не слышишь, он пить хочет?

Скрипнув зубами, я плеснула в кружку остатки воды из кувшина и приблизилась к полоумной подруге с ее недобитым ангелом. Тот сделал несколько жадных глотков, а потом художественно обмяк. Только теперь это был не обморок. Дыхание выровнялось, и мышцы на лице расслабились. Наш ангел пожелал задержаться на грешной земле, чтобы малость вздремнуть.

– Ты выживешь. Увидишь. Обязательно выживешь! – выдохнула Нора, судорожно прижимая к себе парня.

Да так сильно сжала, что на мгновение в душе вспыхнула надежда – сейчас придушит. Не придушила. Когда парень протестующее хрюкнул, поспешила уложить хворого на подушку и заняла недавно покинутый пост у изголовья кровати, вновь бухнувшись на колени.

Уж не знаю, чего она так уперлась в спасение этого оболтуса? Обхаживая его, подруга подкладывала всем нам большую свинью. Так парень бы просто умер, не приходя в сознание. А вот если выживет... Несанкционированное проникновение в Институт – это гарантированная дыба! Что же касается нас с Норой – вряд ли мы в этот раз отделаемся жесткой поркой. Чем я больше размышляла, тем отчетливей осознавала это. Как только парень проговорится (а дыба очень многих делает болтливыми), каким образом он проник в келью, отцам-инквизиторам не составит труда выяснить все обстоятельства этого дела. И связать с пропажей Зверя. И тогда...

Я отчетливо ощутила, как языки пламени лижут кожу. Пospешила отхлебнуть из кувшина, но он оказался пуст. Покосилась на подругу. Попытаться достучаться до ее разума? Бесплезно – не услышит. А если услышит, то не поймет. Склонилась в три погибели, дура малахольная, пряди волос у своего «ангела» перебирает. Подружка, называется. А я для нее больше не существую. Почти шесть лет дружбы псу под хвост.

К моему страху за будущее тут прибавилась еще и обида на такое вероломство.

– А ты заметила, – как ни в чем не бывало обернулась ко мне подруга, – у него глаза как у тебя: цвета весенней листвы. Вот ты зла ему желаешь, а вы ведь так похожи! Словно близняшки. Только у него лицо более жесткое. Волевое...

А я, значит, размазня?!

– И кожа нежная и бархатистая, – продолжала упиваться созерцанием этого типчика Нора. – Знаешь, Лира, когда я смотрю на него, такого бедного, несчастного, мне кажется, что это тебе плохо...

Парень всхлипнул во сне, и подруга тотчас склонилась над ним, поправляя подушку. И тут мне в голову пришла идея. Сначала она мне показалась бредом. Потом, при некотором размышлении – полным бредом. Но что еще оставалось нам делать? Не убивать же, в самом деле, его?

Я приблизилась к парню и по-новому взглянула на него. Ну, допустим, меня он повыше будет, да и в кости шире. И его лицо все-таки с девичьим спутать сложно. Вон какая щетина на щеках проступила! Хотя щетину сбрить можно. У нашей соседки усики растут, поэтому ей разрешили в виде исключения бритву в келье держать. Да и в полумраке эта растительность на лице видна лишь, если хорошо приглядеться. А Пиру наши лица особенно никогда не интересовали. Вот попы – это да...

– Ничего, нам бы только день простоять, а потом он поправится и навсегда исчезнет из нашей жизни, – ободрила себя я и решительно отпихнула подругу в сторону.

– Лира, ты что делаешь? – изумилась она, когда я принялась стаскивать с парня балахон послушника.

Колокольный звон, извещающий начало дня, заставил меня подпрыгнуть.

– Нет времени объяснять, – пропыхла я, собирая все свое мужество в кулак.

Я честно пыталась жмуриться, чтобы не видеть обнаженный торс. Но в последний момент не удержалась. Когда балахон был отброшен в сторону, взгляд предательским образом выхватил потную полоску рыжеватых волос вдоль грудины, рельефные кубики на животе... Ой! Торопливо вскинула глаза... Сердце пропустило пару ударов, а потом ухнуло куда-то вниз. На правом плече пылала ярко-красным свежая татуировка.

Как наяву я вновь увидела тот проклятуший сон. Точнее, впервые досмотрела его до конца. Тьма на троне поднялась, обретая очертания мужчины могучего сложения с короной на голове. Он поднял руку и произнес последние слова заклинания: «Йа тайига». И стоящий перед ним пленник кулем повалился на пол...

– Лира? Лира, что с тобой? – встревоженный голос подруги заставил меня очнуться.

Плечо жгло огнем – словно не нашему болезному, а мне недавно вырезали эту татуировку. А в голове гудел колокол, монотонно повторяя: «йа тайига», «йа тайига», «йа тайига»...

– Все хорошо, – выдохнула я.

Это все от трехлунья. От него я всегда становлюсь слишком впечатлительной. Мысленно попросила у Святой Троицы прощения и решительно развязала шнурки портков.

– Лира! – в ужасе взвизгнула подруга.

Чтобы вернуть подругу в адекватное состояние, пришлось, невзирая на головную боль, привести сумбурные мысли в относительный порядок и посвятить Нору в свой план.

– Сама говоришь, парень похож на меня. Так пусть мной и побудет до тех пор, пока в себя не придет. Скажешь (взгляд метнулся на измазанную кровью простыню), что у меня нечистые дни начались. Пара дней у него будет, чтобы отлежаться и свалить отсюда.

Нора заметно приободрилась, а на губах вспыхнула столь любимая мною улыбка. Правда, она почти сразу померкла. Подруга с тревогой посмотрела на меня:

– А как же ты?

– Сад густой, а местами даже непроходимый, – успокоила я ее. – Найду, где спрятаться.

– А кушать что будешь? – распереживалась Нора.

– Так ведь лето. Всяких ягод-корений пруд пруди – с голоду не умру. Ну а ночью к нашему жасмину придешь, что-нибудь пожевать принесешь да новости расскажешь.

На том и порешили. Мы быстро облачили парня в мою ночную рубашку и нацепили на голову чепец. Я оправила на себе непривычно просторный балахон послушника монастыря Святого Иеремии, чмокнула на прощанье Нору в щеку и вышла через окно в сад. А напоследок пообещала принести нашему хворому целебных травок.

Надо сказать, что у нас не простой сад, а один из самых больших в королевстве. Десять гектаров с гаком обширных, а местами и непроходимых насаждений – это тебе не абы что! Но, несмотря на такие размеры, посторонним людям пробраться в сад, а через него к стенам нашего Института невозможно. Во всяком случае, так я считала до сегодняшней ночи. Ну, действительно, представьте себе ограду в виде стены трехметровой высоты, которая утыкана серебряными пиками, освящена святым пивом и укреплена глубоким рвом. Впечатлило? А теперь добавьте постоянное патрулирование по периметру.

Такое отгораживание горожан Эридора от плодово-ягодных угодий монастыря Святого Иеремии не случайно. Местная флора и фауна считалась осененной божьей благодатью, ведь из трав и плодов, произрастающих здесь, делались лучшие в королевстве снадобья от сглаза и порчи. Но главное – именно из здешнего хмеля варилось святое пиво, пользующееся спро-

сом во всех пяти королевствах. В трехлунье число желающих на халяву воспользоваться богатствами сада возрастало многократно, но монахи крепко держали оборону. Помогала им в этом рота левинских гвардейцев, содержание которых оплачивали семьи воспитанниц института благородных девиц.

Несмотря на громкую славу, которая гремела по всей земле, и внушительную внешнюю охрану, за самим садом никто не следил, и выглядел он (как я уже отмечала) крайне запущенным. И это вовсе не из-за лени вечно хмельных монахов, как могли бы подумать злопыхатели, а исключительно из-за их нежелания вмешиваться в божественный промысел.

Самой непролазной являлась центральная часть сада. Пожалуй, кроме нас с Норой, никто так и не отважился туда сунуться. Уж слишком колючими были перепутавшиеся между собой заросли малины и терновника! Уж больно грозно выглядывала из них двухметровая крапива! И никто, кроме нас, не знал, что за этой живой стеной скрывался овраг с небольшим, но глубоким озерком. Мы с Норой открыли этот водоем на второй год пребывания в институте и полюбили после воскресной службы жаркими летними денечками сбегать сюда. Мы с удовольствием плескались в бездонном озерке, а потом сидели на бережку, хрустели позаимствованными тайком из столовой сухариками и сплетничали о воспитательницах и воспитанницах.

Чуть позднее, когда увлеклись сбором гербариев, мы уже приходили сюда не только развлечься. Здесь мы сушили, а затем складировали в дупло огромной ивы собранные нами травы и коренья. Не подумайте только ничего плохого. У нас не было и мысли нажиться, обирая принадлежащие монастырю земли. Руководствовались мы исключительно благими помыслами. Все это богатство должно было в будущем стать нашим подспорьем в деле оказания помощи раненым и больным.

К этому самому овражку я и отправилась, чтобы искупаться, раз уж представилась такая возможность, а заодно поискать в наших запасах что-нибудь противовоспалительное для наглого типчика.

Я нырнула в кажущиеся на первый взгляд непроходимые дебри и уверено потопала по чуть приметной тропинке в сопровождении сонма голодных комаров и мошек. Какой-то особо злобный комар впился мне в плечо, которое ныло не переставая. Машинально я прихлопнула кровососа и чуть не взвыла от боли. В голову ударила кровь, застывая все красной пеленой, а уши взорвал тревожный рокот барабанной дроби. «Я тайига... я тайига... я тайига» – шептали губы, а ноги сами перешли сначала на быстрый шаг, а потом и на отчаянный бег.

Я неслась через колючие дебри все быстрее и быстрее. Почему? Потому, что это очень важно! Куда? К озеру, разумеется!

Когда земля под ногами неожиданно оборвалась, в моей душе молнией полыхнуло запоздалое удивление самой себе...

Покряхтывая и почесывая отбитые бока, я поднялась. На дне оврага царили сумрак и покой. Не переставая поражаться такому внезапному приступу дури, стянула перепачканный во влажной глине балахон и осмотрела плечо. Ощущения не обманули: там действительно набухла и кровоточила татуировка крылатого зверя.

Разумеется, я слышала о стигматах. Так Святая Троица отмечала тех, кто привлек ее внимание. Что касается меня – вряд ли оно благосклонное. Я ведь женщина, а значит, изначально сосуд греховный. И в будущем, если повезет – я вновь перерожусь в женщину. Хотя, скорее всего, все же в кошку. Матушка Тетра говорила, что именно в этих милых пушистых зверьков Контролер вселяет души невинных дев благородных кровей, при жизни огорчавших воспитательниц своим своеволием и недисциплинированностью. А матушка Тетра – мудрейшая женщина, и у меня нет повода ей не верить.

– Я тайига, я тайига, – произнесла вслух ставшие навязчивыми слова, и невесело усмехнулась. – Возможно, Контролер считает, что я даже кошки не достойна, и этими знаками намекает мне о моем будущем воплощении.

Вспомнив кошмарное существо в клетке, содрогнулась, а потом решительно двинулась в сторону озера. Все! Хватит на сегодня грустных мыслей. Привычно вскарабкалась на нависшую над водой бугристую ветвь ивы и сиганула солдатиком вниз.

Эта была плохая идея. Как только вода коснулась татуировки, тело вновь взорвалось болью. Но теперь такой пронзительной, что я закричала. И потоки воды ринулись в легкие.

Что сказать о своих ощущениях? Боль быстро исчезла, зато тело наполнилось свинцовой тяжестью. Последние отведенные мне жизнью минуты я глядела на рой серебристых пузырьков. Они устремлялись к свету, в то время как я все сильнее погружалась во тьму. Мне тоже хотелось за ними следом, но холод сковал мои члены. Пузырьков становилось все меньше, и вот, наконец, последний отделился от моих губ. В отличие от остальных он не покинул меня, а начал расти. Когда же превратился в огромный мыльный пузырь, то лопнул. Радужное сияние на миг ослепило, а потом я увидела себя со стороны: с развевающимися темными волосами, широко распахнутыми глазами и руками, сложенными на груди.

Мое тело подхватило течение и поволокло к покрытой льдом расщелине, чтобы вместе рухнуть в подземную пещеру. Вода, распавшись на мелкие ручейки, разбежалась в разные стороны, а то, чем я недавно являлась, осталось лежать на льду.

В скорби зависла над собой.

Ярко-зеленые глаза обрамляли густые ресницы, такие длинные, что доставали до крутых дуг бровей. На этом, собственно, и все. Природа красотой меня не баловала. Нос был коротковат и без благородной эльфийской крючковатости. Рот тоже подкачал. Его детская припухлость часто становилось объектом шуток Мионы, гордившейся своими тонкими губами. А вот родинкой над левым уголком рта залюбовалась – она досталась мне от мамы. И пусть Благодичная Пира называла ее меткой Дьявола. Она мне все равно нравилась. И так грустно, что это милое несовершенство никогда больше не станет моим!

Я бы завывала, если могла.

Но окончательно убедил меня в необратимости того, что произошло со мной, знак Святого Иеремии. Мне нанесли его в день моего поступления в Институт. Теперь он таял на глазах, делая лоб неприлично белым.

«Нет! – воспротивилось все во мне. – Это не правильно! Я хочу вернуться!»

Попытка нырнуть в собственное тело вызвала обратный эффект. Невидимая сила отбросила меня к стене, оттуда я лихо закрученным мячом влетела в гигантскую сосульку, помчалась к следующей, срикошетила, новый удар... Я неслась по утыканному сосульками коридору все быстрее и быстрее. Они не только свисали сверху, но и росли из земли. Хотя я могла и ошибаться – меня здорово вертело, пока я во что-то не врезалась. Теперь уже окончательно и бесповоротно.

Перед глазами все покраснело, а когда пелена спала, то увидела вокруг себя сосуды, и кости, и теплую плоть.

– Ну-ка брысь из Тайиги! Это мое место! – мужской рык разносился отовсюду.

Но разве можно по-настоящему испугать ту, кто только что пережила собственную смерть?

– А то что? – с издевкой поинтересовалась я. – Ударишь?

В ответ угрюмое молчание. Мы оба понимали: дух побить нельзя.

Огляделась. Вот тяжело бьется сердце – большое с темно-синим налетом, гонит кровь по сосудам-рекам. Нырнула в их горячие воды и почувствовала, что хочу мурлыкать от удовольствия: жуть как приятно. Раздалось громкое урчание. Ух ты! И правда мурлыкаю. Вырвавшиеся из меня звуки доставили ни с чем несравнимое удовольствие. Я открыла глаза

и огляделась. Теперь все выглядело по-другому. Пещера мягко светилась, и я могла разглядеть мельчайшие детали. Принюхалась... И ощутить ранее неведомые мне запахи... Прислушалась. Где-то землеройка расширяла свою норку...

– Самозванка! – обиженно бросили мне.

Обретение нового тела, пусть и не такого прекрасного, как раньше, настроило меня на миролюбивый лад. Ссориться не хотелось.

– Не виноватая я. Так получилось.

Плечо зачесалось. Я с наслаждением задрала лапу и поскребла его.

– Надо же! Не болит, – изумился Голос.

И действительно, там, где еще недавно на шкуре бугрилась страшная рана, остался лишь шрам, напоминавший печально знакомую татуировку. Теперь уже тело поднялось без моей на то воли и прошло по небольшой пещере взад-вперед, расправило крылья, подпрыгнуло. А потом извернулось и ухватило себя за хвост.

– Поймал! – радостно известил он.

– Кого?

– Да блоху. На редкость пакостные создания... Вот черт! Опять удрала! Ну, ничего, я еще доберусь до нее!

– Смотрю, ты строишь планы на будущее, – сыронизировала я. – Значит, у тебя все не так и плохо.

– Плохо. Но чуть лучше, чем до тебя. Теперь хоть двигаться могу безболезненно... Ладно, живи пока. Только не наглей, а то найду управу.

– Посмотрим, – мысленно улыбнулась я и принялась обживать дальше, пробуя управлять разными частями тела.

5. Одна жизнь на двоих

– Ты хочешь, чтобы я превратился в бабу? – взъерилась моя вторая половина.

Я выразительно закатила глаза к потолку. Кстати, весьма устрашающего вида. Сосульки – большие и маленькие – острыми копиями свисали оттуда и целились прямо в нас. Перейти на более безопасный участок мне не позволили. Меня оттеснили от управления телом и заставили Тайигу демонстративно плюхнуться на попу под самой большой из них. Это мне так решили отомстить за то, что я посмела выдвинуть условие за помощь. Одно-единственное. Узнав, что Тайига в состоянии принять любой облик, я захотела стать сама собой. Ненадолго вновь ощутить себя Лирой Савойской. В последний раз поболтать с Норой, поиграть с Пиппино, рассказать классной Агнесс, какая она классная...

В глазах защипало, и из Зверя вырвался судорожный вздох. Это заставило вторую половину несколько смягчиться:

– В тебя не превращусь, даже не уговаривай. Но готов рассмотреть другие предложения.

От этой снисходительной жалости во мне вдруг все вскипело. Меня, Лиру Савойскую, взялась жалеть богомерзкая сущность! Я сухо отрезала:

– Нет других предложений. Хочешь спасти своего дружка, верни мне мой облик.

– Я ненавижу, когда мне ставят условия, – прошипели в ответ. – Особенно если они исходят от недотроги-институтки. Подумай еще.

– Нечего тут думать, – заартачилась я. – Или так, или на меня не рассчитывай! И не пытайся меня заставить. Я тебя не боюсь. Ты все равно ничего мне не сможешь сделать, потому что я дух.

Зверь фыркнул, задрал ногу, приблизил морду к промежности и высунул язык. Это заставило меня не на шутку перепугаться:

– Стой! Прекрати! Можно стать кошкой! Точно! Кошка – самое то будет. Их в Институте любят и всегда привечают.

– Хорошо, – согласилась вторая половина, – будем котом.

Перед моим мысленным взором промелькнула целая вереница котов: рыжих, черных, белых. И все с задранной задней ногой самозабвенно делали это... Ни за что!

– Кошкой, – решила настоять на своем, и зажмурилась. Сейчас начнется... Ой, мамочки!

Вжих! Словно с горки я скатилась вниз и оказалась в самых пятках Зверя. Здесь было хорошо: я ничего не видела и не чувствовала. Теперь пусть делает что хочет, а я знать ничего не знаю, ведать не ведаю. Эта маленькая победа над исчадьем ада доставила искреннюю радость.

Некоторое время ничего не происходило. Я принялась размышлять о своем новом положении. С одной стороны, ужасно, что я вселилась в Зверя из Преисподней, но с другой стороны, может, это мне шанс такой дан свыше. Вот Святой Иеремий своими беседами заставил демона Имунила вырвать из себя сердце. Всем известно – добровольная жертва обладает огромной силой. С помощью того сердца Иеремий мог излечивать самые страшные раны у доблестных защитников Света. За это после смерти его причислили к лику Святых, и Иеремий стал самым любимым и почитаемым среди них. Может, и мне судьба уготовила заставить Исчадь Ада служить добру? Я представила себя изображенной на гобелене в соборе. Люди стоят передо мной на коленях, в глазах слезы, а губы шепчут: «Святая Лира! Спасительница...»

– Лира, выходи! Я согласен, – бархатный баритон ворвался в мои мечты.

И я мысленно поблагодарила Святую Троицу, что он меня не слышал. Мне здорово повезло в том, что, когда я хотела, то легко могла скрывать свои мысли. Видно Святые не до конца разочаровались во мне. И в том, как быстро этот грубый мужлан согласился со мной, я тоже увидела добрый знак и приободрилась. Даже привиделся нимб над своей головой.

Осторожно выглянула наружу и ахнула. Половина сосулек отсутствовала. Их обломки валялись на полу подземного коридора.

– Почему ты так со мной поступаешь? – устало спросили меня. – Смена ипостаси отнимает огромное количество Силы. А если меняешь мужское на женское – и подавно. У тебя есть веское объяснение, зачем нам это делать?

Подумала, и решила не говорить, что меня смутили недавние телодвижения. Вряд ли это найдет понимание. Вместо этого выдала нечто более благовидное:

– У нас с Норой кошечка была. Мы ее очень-очень любили, – из глаз тайиги покатались слезы. Похоже, я снова могла управлять ею. – Если Нора увидит ее, обязательно заберет к себе в келью, где твое хворое недоразумение лежит.

– Ладно, согласен на кошку, – смирилась вторая половина тайиги. – Только давай без слез. Ненавижу сырость.

Зверь, повинуюсь мне, уселся и обернул вокруг себя шипастый хвост.

– Зачем тебе нужен тот парень? Он твой хозяин? – поинтересовалась я, приободренная еще одной победой.

Пещеру потряс рев.

Ба-а-бах! Новый ледопад заставил ненадолго забыть о любопытстве. Мы заметались по пещере, ловко уходя от смертоносных копий. Когда угроза быть проткнутым насквозь миновала, мне гордо сообщили:

– У а-а а а-аэф...

– А? – переспросила оглушенная я и потеряла лапой ухо.

– У меня нет хозяев, – уже более спокойно повторила вторая половина.

– Уважаю, – примирительно заметила в ответ. – Тогда зачем он тебе?

– Заклятье, – неохотно признались мне. – Какая-то сволочь связала жизнь того придурка с умирающим зверем, приговоренным к сожжению. Думаю, они хотели так наказать парня. И жестоко наказать. Он должен был испытывать те же самые муки, что корчащийся в огне Тайига. Вот только Зверь избавился бы от страданий вместе со смертью, а парень еще несколько месяцев испытывал бы непереносимые муки. Но главное – связь между Тайигой и парнем двухсторонняя. Если парень умрет, аура Тайиги тоже начнет ослабевать. Какое-то время я смогу ее подпитывать за счет собственных резервов, но это лишь замедлит гибель, а не отвлечет. А умрет Тайига, умрем и мы. Увы, теперь наши жизни связаны.

– Что это за жизнь, – сразу загрустила я и положила морду на лапы. – Я была такой молодой, такой красивой. А сейчас вся моя радость – блоху словить или...

Вовремя оборвала себя на полуслове. Слеза навернулась на левом глазу и уже готовилась скатиться...

– Эй, сказал же, без сырости, – предупредили меня, поднимаясь. – Давай, показывай мне себя.

Признаться, это повергло в замешательство. Я вдруг вспомнила, что осталась лежать там, в начале пещеры, абсолютно голышом. Кстати, я так до сих пор и не определилась, кто со мной разговаривает: Тайига или такой же блудный дух, как и я. Я уже успела задать этот вопрос, но в ответ получила невежливое: «много будешь знать, не доживешь до старости». Так что на откровенность моего недружелюбного сожителя рассчитывать не приходилось. Но в одном я была уверена – в его мужской принадлежности, и это заставило меня заупря-

миться. Вот только вторая половина без труда подавила бунт и заставила зверя двинуться в ту сторону, откуда меня принесло.

Место, где я оставила себя, изменилось неузнаваемо. Я лежала на полу, покрытая тонкой корочкой льда, а вот водопада не было. И дыры в потолке, из которого я вывалилась – тоже.

– Как это? – удивилась я.

– Плита подвижная, – снисходительно пояснили мне. – Когда воды на поверхности становится слишком много, она опрокидывается.

– Значит, каждый раз, когда мы с Норой купались, нам грозило оказаться затянутыми под землю?

– Не зная броду, не суйся в воду.

Тайига принялся тщательно обнюхивать лицо, потом шею, потом грудь...

– Эй, – возмутилась я, – что мы делаем?

– Проверяем объект на возможность оживления, – невозмутимо ответили мне. – Слушай, Лира, давай заключим сделку. Ты не мешаешь мне охранять того парня, а я, как только разберусь с ним, так и быть, оживлю тебя.

– А когда ты с ним разберешься? – заинтересовалась я.

Не то чтобы поверила, но вдруг и правда сможет вернуть? Ой, как хочется!

Ненадолго мое тело было оставлено в покое, а наша морда задумчиво воззрилась на потолок.

– Когда начинается Затмение? – наконец, спросил он.

– Приблизительно через месяц.

– Значит, через месяц, – важно изрекла вторая половина.

Мы подпрыгнули от радости, взвизгнули и тотчас зашипели на себя:

– Хватит вести себя, словно законченная блондинка! Будешь компрометировать меня, выгоню отсюда к чертовой матери. Переселяйся в кошку сама, как ваша дурацкая религия и учит.

Я испуганно замолчала, а тайига вернулась к прерванному занятию. После тщательного исследования моего тела с макушки до кончиков пальцев последовал вердикт:

– Переломов нет, заморозка прошла быстро и равномерно, репродуктивная функция восстановлению подлежит. А значит, все будет хорошо. Нам с тобой только месяц продержаться. Ну, и тому парню, само собой, тоже.

– И я смогу стать сестрой милосердия? – с надеждой поинтересовалась я.

– Разумеется, крошка, – заржал этот гад. – Можешь даже меня пригласить на роль пациента. Повеселимся.

Ненавижу, когда всякое зверье насмешничать начинает. Да и не настроена я с ним веселиться. Я девушка серьезная. И что за функция такая – рерподу... Тьфу! И не выговоришь, чтобы переспросить.

– Ладно, не дуйся. И вообще, зови меня Рианом, напарник.

– Лира, – после небольшой заминки представилась я.

Некоторое время мы развлекались как могли. Перетаскивали мое тело подальше в пещеру и всласть поохотились за землеройками. Потом пытались поймать блоху. К сожалению, unsuccessfully, только перенервничали и переругались между собой. Затем помирились, правда, и решили вздремнуть. И тут наш слух уловил звуки капли.

– Пора!

Тайига подпрыгнул, и его крылья взбили воздух, проверяя боеспособность. Ничего не болело. Мы больше не походили на изувеченного зверя из клетки. Мощь, сила и самодовольство переполняли нас.

– Шикарно! Не понимаю, как тебя сюда занесло, но ты появилась на редкость вовремя. У нас есть неплохие шансы выкарабкаться из этой передрыги. И у тебя, и у меня. А возможно, во всяком случае, я всей душой надеюсь на это, и у этого несчастного зверя.

– Так и знала что ты не местный, – обрадовалась я, что хоть один вопрос прояснился, и попробовала воспользоваться откровенностью своего вынужденного соседа. – А как ты сюда попал?

– Это тебя не касается, – последовал холодный ответ, но я решила не сдаваться.

– Но это ведь не твое настоящее тело?

– Точно.

– А где его хозяин?

– Без понятия.

– А сам ты...

– Я – твое спасение. Этим и довольствуйся, – резко оборвал мои расспросы Риан, – а теперь, Лира, помолчи.

Наше тело раскалилось так, что на шерстинках загорелись огненные искры, а из хвоста наружу стали вырываться маленькие молнии.

– Ух ты! – восторженно воскликнула я. – Нет, это, конечно, безбожно, но красотища-то какая! А огненное пламя из ноздрей мы можем выпустить?

– Заткнись, – грубо обрубил меня Риан. Впрочем, беззлобно.

Когда потолок над головой качнулся, выпуская потоки воды, мы штопором взвились вверх. Вода от соприкосновения с нами шипела и испарялась. Вместе с клубами густого пара мы вылетели на поверхность коварного озера.

Время двигалось к полдню. Над водой вились стрекозы, в траве стрекотали кузнечики, а небо слепило голубизной. Прежняя я наслаждалась бы всем этим, но вот в теле тайиги испытала другие ощущения. Кожу неприятно жгло от прямых солнечных лучей, а глаза слезились. Мы поспешили укрыться в тени старой ивы. В ледяной пещере нам было намного комфортней.

– Давай, Лира, быстрее. Теперь твоя очередь, – заметил Риан.

– Ты про что? – удивилась я.

– Слушай, кончай, врубать блондинку, – и он нетерпеливо шлепнул нашим хвостом по воде.

Мы подпрыгнули. Тело уже успело остыть, и потоки воды обрушились на нас, оставляя пренеприятнейшие ощущения. Все вдруг зачесалось, а воздух наполнился мерзким запахом прелой шерсти. Мы спешно принялись высушивать себя горячим паром из ноздрей и разглаживать шерстинки языком. Вода оказалась для нас еще более противной, чем солнечные лучи.

Когда мы привели себя в порядок, Риан обреченно вздохнул:

– Ну? И долго мне еще ждать?

– Да чего? – заорала я.

– Превращай нас в свою кошку, ведьма! – раздался оглушительный рык. – Тайига – ночной зверь. От солнечного света и воды он слабеет. А нам этого не надо.

К счастью, орал Риан про себя. Иначе перепугал бы всю округу. Но все равно обидно. Да кто он такой? Да что он о себе возомнил?!

– Не умею я превращаться! Понял, Тайига конченый?! – я тоже повышать голос умею. Он у меня и обычный – звонкий, а в мыслеречи и подавно.

– Тогда откуда у тебя артефакт главы Клана Теней?!

– Что за артефакт? Каких Теней? – от удивления я даже кричать перестала.

Риан тоже начал говорить спокойнее:

– Лира, где ты взяла змеек?

– Мама дала.

На некоторое время воцарилась тишина, а меня вдруг разобрало любопытство. Я хорошо помнила лекции по мироустройству. Клановое общество существует лишь в одной стране Сумеречного Мира – в Оркостане. Но моя мама была также похожа на оркчиху, как бриллиант на конскую какашку.

– А кто у нас мама? – вкрадчиво осведомился Риан.

Вот и мне хотелось бы это знать.

– Пленница. Ее отец у вампиров отбил, – неохотно призналась я, – а потом женился на ней. Только она умерла во время родов, а этот браслет я потом случайно нашла. Мне мама его во сне показала, когда я взрослой стала.

Риан некоторое время молчал. А потом испустил тяжелый вздох и вытянул перед собой лапы. На одной из них красовался мой браслет.

– Посмотри на змеек, как можно четче представь себе свою кошку, и мысленно произнеси «йа тай'га», – проинструктировал он.

– Я тайга, – завороченно повторила я, глядя на черных змеек, и тотчас вздрогнула от злого крика:

– Не «я тайга», балда, а йа тай'га. В истинном языке каждый звук имеет свое значение. Даже незначительная модуляция может коренным образом изменить приказ. Чему вас только учат в институте?

– Хорошим манерам, – честно ответила я.

На презрительное фырканье решила не обижаться. Солнце стояло уже высоко. Следовало поторопиться, чтобы не опоздать на встречу с Норой. Поэтому я уставилась на браслет и, отбросив обиду, постаралась сосредоточиться.

Узкая морда, зеленые глаза, на одном ухе кисточка, а другое порвано, окрас темно-рыжий с черными пятнышками, которые на ногах расползаются полосками и превращаются в носочки, хвост длинный и черный в конце... Змейки шевельнулись и приподняли головки. Их изумрудные глазки внимательно посмотрели на меня. Мол, уверена? Кивнула в ответ.

И мир взорвался, оборачиваясь вокруг меня серым смерчем.

Закончилось все, не успев начаться, но голова кружилась от полной дезориентации: тело стало неприятно хрупким и легким, трава высокой, камни крупными. И все в странных серо-голубовато-зеленых тонах. Лишь блоха осталась неизменной. Она сразу же укусила за хвост.

Мы извернулись и защелкали зубами, но ловкая зараза ушла. Чтобы привести после неудачной охоты расшатанные нервы в порядок, облизнули лапку и принялись растирать правую щечку. Хотели уже приняться за левую, но взгляд упал на змеек. Они приподнялись на хвостиках и раскачивались, прося забрать с собой. Когда мы опустил голову, змейки обвились вокруг шеи словно ошейник.

– Прикажи им стать незаметными, – снова проинструктировал меня Риан.

– Как? – спросила я, но и сама поняла, сколь глупый вопрос задала.

Надо сказать, змейки сделали даже лучше, чем мне хотелось: они стали не только невидимыми, но и неосязаемыми. Во всяком случае, лапа, пройдясь по загравку, не встретила на своем пути ничего, кроме шерсти. Запоздалое сожаление шевельнулось во мне – если бы я раньше знала, что змейкам достаточно приказать замаскироваться, и их никто не найдет, я бы не лишилась собственного тела.

– Пора в путь, – заметил Риан, прерывая грустные мысли.

– Только захватим кое-что с собой, – предупредила я, и мы ловко вскарабкались на иву.

Когда из дупла на свет был извлечен пучок петрушки, Риан сильно удивился:

– Это еще зачем?

– Для твоего подопечного. Святой Рохля в своем трактате пишет, что это одно из лучших противовоспалительных средств, – сообщила я и с гордостью процитировала: – «Сия травка содержит в себе благословение Святого Петру, так как помогла ему избавиться от ушной боли. Употребление петрушки тем успешнее, чем богоугоден смертный. В противном случае в больших количествах вызывает головную боль, повреждение почек и судороги. Нельзя применять женщинам во время нечистых дней, чтобы не вызвать гнев Святого Петру».

Но вместо заслуженного восхищения мной любимой, заработала в ответ лишь еще одно насмешливое фырканье. Впрочем, препятствовать мне Риан не стал. Мы сжали в зубах заветный пучок и бросились к знакомой тропке.

– Лира! Ну, где же ты!?

Подруга в нетерпении расхаживала взад-вперед около пышного куста жасмина. Даже капюшон откинула, чтобы лучше видеть. Когда колокола Святого Иеремии предупредил об окончании сиесты, нетерпение на лице Норы сменилось растерянностью и даже испугом.

– Святой Иеремия, прошу, пусть сейчас появиться Лира, – взмолилась она и молитвенно сложила руки. – Я тогда... тогда...

Подруга задумалась, и я поняла: она пытается сообразить, какой обет лучше произнести.

– Чего медлишь? – зашипел Риан, но я заставила нас плюхнуться на попу.

– Еще чуть-чуть, – попросила я и принялась умываться.

Не хочу перед подругой предстать неопрятной. К тому же, признаться, мне стало вдруг очень любопытно, чем Нора готова пожертвовать, ради меня.

– Тогда, – торжественно возвестила она, – клянусь добрым Сеятелем, исполнить любое желание Анри.

– Наверно, это великая жертва, – с сомнением покачала я головой, догадавшись, что так зовут нашего больного.

Удивляло, когда Нора успела узнать имя у этого наглого типчика. Оставляла я его умирающим.

– Мы связаны. Забыла? Нашему телу стало лучше, соответственно, ему тоже, – фыркнул Риан и вытолкнул нас из кустов.

– Тая! – удивленно воскликнула подруга.

Я с удовольствием потерлась о ее ногу. По телу сразу разлилась нега, а в животе защекотало.

Сейчас бы молочка, а еще лучше сливочек. Мр-р-р! Добрая Нора, отнеси нас на кухню. Сливочек!

Когти непроизвольно стали сжиматься и разжиматься в сладком предвкушении. Я и сливки – мр-р-р – созданы друг для друга.

– Сливки фигня, – решительно возразил Риан. – Вот грудка фазана! Или, на худой конец, курицы... МР-Р-Р!

Когда Нора присела, мы с готовностью торкнулись ей в руки и разжали зубы. Обслуженный пучок противно-терпкой петрушки переместился в ее ладонь. Травке Святого Петру Нора не столько обрадовалась, сколько испугалась.

Отпрянув, Нора уставилась на меня широко распахнутыми глазами.

– О, Святой Контролер! Лира, неужели это ты?

– Мяс, – с достоинством ответила я.

– Ты обещала принести травку и принесла, – судорожно зашептала подруга и страшно побледнела. – Тебя проклял Контролер за кощунственные мысли умертвить больного. И теперь твоя душа переселилась в нашу бывшую кошку... То-то у меня поутру так сердце

екнуло... Ох, это я виновата! Зачем? Ну, зачем я отпустила тебя? О мертвых, конечно, или хорошо, или никак, но ты была таким ребенком. Совсем без короля в голове!

Это, значит, я – ребенок?! Это, значит, у меня короля в голове нет?! А ты, подруженька хвостатая, у нас, значит, образец осторожности и предусмотрительности? Меня это так возмутило, что я выгнула спину и зашипела.

Но Нора неожиданно улыбнулась сквозь слезы. Она подхватила упирающихся нас под живот и прижала к груди.

– Я буду заботиться о тебе сильно-сильно, – торжественно пообещала она. – И ты никогда не пожалеешь, что стала кошкой!

– Тогда тащи на кухню, и дай мяса, – рявкнул Риан, но Нора услышала лишь еще одно требовательное: «Мя-у-у!»

6. Кошка не мурлычит – они так рычат

Мы влетели на центральный двор, почти опоздав на послеобеденное построение. Точнее, чуть не опоздала Нора, но нам с Рианом тоже пришлось несладко. Наши души чуть не вылетели из хрупкого кошачьего тельца – так крепко Нора прижимала нас к груди.

Все воспитанницы института благородных девиц уже выстроились идеальной полуподковой вокруг кострища, приготовленного для Зверя из Преисподней. Девушки выглядели неподвижно, как статуи святых, украшающих фасад нашего института. Лишь летний ветерок колыхал полы темно-синих плащей, открывая взору краешки подолов серых юбок и подошвы башмаков.

Как всегда разные курсы группировались в отдельные отряды. Их всего шесть. Наша с Норой и без того малочисленная группа, сейчас выглядела совсем сиротливо. И самое неприятное – чтобы добраться до трех однокурсниц подружке предстояло преодолеть весь двор, минуя классных дам. Они расхаживали каждая напротив своего участка строя, окидывая критичным взглядом подопечных. Накинутые на склоненные головы капюшоны делали всех воспитанниц неотличимыми друг от друга, но это не мешало нашим наставницам наводить последний лоск, безошибочно определяя нарушительниц дисциплины.

– Марьяна, не сутулься...

– Ирис, грудь вперед...

– Дьяна и Лис, закончили шептаться...

В отличие от своих воспитанниц, преподобные сестры лиц не прятали. Остроконечные крылья белоснежных головных уборов делали их такими строгими и благонравными, что меня тоже так и подмывало склонить голову, стыдась своей грешной вольнолюбивой натуры.

Видно, Нора в тот момент чувствовала то же, что и я. Она на секунду замерла в нерешительности. Бежать через пять отрядов злорадствующих институток под прицелом полных осуждения взглядов классных дам – это, я вам скажу, то еще удовольствие!

Но выбора не было. Со свистом выпустив воздух, подруга сиганула во всю прыть зауженного платья на свое место.

– Мамочки, какой ужас! – мысленно простонала я, переживая за свою подругу еще сильнее, как если бы это была я.

– Что, выпорют? – поинтересовался Риан.

– Лучше быть выпоротой, чем гореть от стыда, – пробормотала я.

– Запомню, – хмыкнул этот злыдень.

Я хотела поинтересоваться, что он имел в виду, но...

Ба-ах! Я взвизгнула. Если бы не невероятно быстрая реакция Риана, на этом мой рассказ и закончился бы. Мы выскочили из-под Норы в последнее мгновение перед тем, как она упала.

– Кто это сделал? – спросила преподобная сестра Ванда, грозно взирая на подведомственную ей группу.

Даже ветерок замер при этом суровом окрике. Разумеется, воспитанницы молчали, еще ниже надвинув свои капюшоны.

Моя бедная Нора! Слетевший капюшон открыл перепачканное кровью лицо, а рука, которой она еще недавно прижимала нас к себе, быстро распухла. Но ей на помощь уже спешила добрая Агнесс.

– Девочка моя, – воскликнула моя тетя, помогая Норе подняться, – разве ты не знаешь, что Святой Иеремий не любит тех, кто опаздывает, и карает их...

– Так же как и тех, кто ставит подножки, – отчеканила преподобная сестра Ванда, оглядывая своих подопечных. – Последний раз спрашиваю, кто это сделал?

Легкий шелест плащей, и Норину обидчицу вытолкнули из строя. Я выгнула кошачью спину и зашипела.

Свою вредную сестренку я узнаю за семью балахонами: невысокая, хрупкая, с рождения пахнущая фиалками бестия полуэльфийских кровей.

– А это еще кто? – удивленно воззрились на наше оцетинившееся тельце классные дамы.

– Найденыш. Кошечка, – шмыгнув носом, сообщила Нора. – Вы разрешите мне оставить ее у себя?

– Святой Иеремий любил животных. Особенно кошек. И нам завещал холить их и лелеять. Ступай в строй, дитя. Ты свое наказание получила. А после построения зайдешь к сестре Риславе. Она взглянет на твою руку и нос. К тому времени как ты освободишься, твоя питомица будет ждать тебя в келье.

– Спаси вас Троица, Преподобная, – Нора чмокнула руку Агнесс и засеменила в строй, не смея оглянуться и хлюпая разбитым носом.

– А ты, Миона Савойская, – отдала свое распоряжение классная дама Ванда, – после занятий разыщешь сестру Пиру и попросишь, чтобы она отвесила тебе двадцать ударов розог.

– Спаси вас Троица, Преподобная, – смиренно пропела моя ненавистная сестренка.

Классная Агнесс подхватила нас за шкурку и поднесла к лицу, разглядывая. Нас тотчас окутал аромат крепкий святого пива.

– Отпусти немедленно, вобла сушеная! – взъярился Риан.

Он попытался извернуться, чтобы вцепиться в классную Агнесс когтями, но я не позволила.

– Не смей трогать мою тетю! – пропыхтела я, прилагая всю свою силу воли, чтобы заставить наше тельце обмякнуть.

– Твоя тетя – алкоголичка! Пить с утра – дурной тон. А пиво сомнительного качества и подавно.

– Тетя не пьет! – возмутилась я. – У нее печень больная. Поэтому ей разрешили использовать святое пиво наружно. И чтобы ты знал, нападение на преподобную при исполнении – верный способ оказаться поджаренным на костре.

– Но я же кошка! – удивился Риан.

– Нечисть везде лазейку найдет, а святое пиво вызывает у них неконтролируемую агрессию. Как у тебя сейчас. На этом все ловятся. Так что расслабься и терпи.

– Полная дурь! – фыркнул Риан.

Соппротивление он прекратил, но скалиться не перестал. Единственное, что мне удалось – слегка приподнять уголки нашего рта. Мои надежды, что это сойдет за проявление радости, оправдались. Благочестивое лицо Агнесс осветила умильная улыбка:

– Милая киса, тебе будет хорошо с Норой и Лирой. Они добрые девушки, – произнесла она и двинулась к своим подопечным.

Ну и мы с нею. Закатив глаза, обнажив зубы и обмякнув тряпкой. А строй институток, мимо которого мы проплывали, качался вправо-влево, вправо-влево...

Мы подошли к крыльцу, где на нас с любопытством взирала невысокая пухленькая девушка лет шестнадцати. Служанка Роза слыла разгильдяйкой, но этот порок ей легко прощался за смирный и кроткий нрав. Чаще всего ее использовали для мелких поручений. Вот и сейчас, остановившись перед Розой, Агнесс осведомилась:

– Идут?

– Да, пресветлая госпожа.

– Хорошо, – и классная передала нас из рук в руки как почетный приз. – Вымоешь и накормишь, а после отнесешь в келью моей племянницы. И живет, Роза.

– Да, пресветлая госпожа, – пискнула Роза, но уходить не торопилась.

Спрятавшись в тень дневного проема, девушка очень осторожно выглянула во двор: привычным сегодняшнее построение трудно было назвать. Атмосфера, мягко говоря, была накаленной, а так и не зажженное кострище выглядело многообещающе зловеще. Не случайно классные дамы усердствовали, стремясь навести идеальный лоск в подведомственных им отрядах. И не удивительно, что маленькая служанка любопытствовала, что будет дальше. Ну и мы поневоле тоже. Только она стояла, прижавшись к косяку, а мы висели рядом.

В эти неприятные мгновения своего бытия развенчался еще один из самых незыблемых мифов мироздания – кошкам больно, когда их держат за загривок. А еще очень обидно. Но они боятся проявить недовольство – уж слишком близко сжимающая их рука находится от горла.

И вот последние распоряжения отданы. Классные дамы выстроились около кострища клином и застыли. Синие шелковые платья, белые крылатые чепцы, лайковые перчатки, прямые осанка и стальная невозмутимость во взорах – несмотря на свое унижительное положение, я не могла отвести от них взгляд. Особо хороша была Агнесс, стоявшая в острие клина: высокая красавица с бледной кожей, тонкой полоской губ и наполненными небесной безмятежностью огромными глазами. Даже морщинки и легкая желтизна век ее не портили.

– Она мой идеал! – прохрипела я.

Хоть мое духовное горло никто сжать не мог за неимением его, мыслеречь все же давалась мне с трудом.

– Эта засохшая мымра? – не поверил Риан.

– Что ты, нечисть, понимаешь в благородных дамах? – возмущенно фыркнула я.

– Не приведи Преисподняя, мне их еще и понимать!

– Тебе бы это пошло на пользу, нечисть.

– А тебе пошло бы на пользу найти себе нормального мужика, который бы выбил из тебя всю институтскую дурь...

Оживленный говор, донесшийся из недр здания, пресек разгорающуюся ссору. Роза дернулась, чтобы бежать, только уже было поздно. Группа нарядных господ, разодетых в шелка и парчу, заполонила коридор. Они остановились рядом с нами и раздвинулись, наполняя пространство ароматом дорогого парфюма. Через образовавшийся проем в сопровождении настоятеля монастыря епископа Иеремийского важно прошествовал темноволосый мужчина с резкими чертами лица и властным взглядом.

Канцлер Нэлиус Светозарный (а это, несомненно, был он) казался настоящим великаном по сравнению с нашим невысоким и хилым отцом-настоятелем. И истинным вельможей. Черный бархатный колет, расшитый серебром, смотрелся благородно и строго, а кожа была так изысканно-бледна, что соперничала по цвету с многослойным накрахмаленным воротничком. В отличие от разряженной в пух и прах свиты, из всех украшений на Нэлиусе были лишь громадный рубин на толстой золотой нашейной цепи да усыпанная бриллиантами шпага вороненой стали. Он мазнул по нам с Розой жестким взглядом глубоко посаженных глаз, и его квадратная челюсть недовольно выдвинулась вперед. Роза сжала сильнее нашу несчастную шкурку враз запотевшей рукой и вжалась в стену.

Свита канцлера мне не понравилась еще сильнее, чем их надменный господин. Наглые молодые офицеры громко обменивались непристойными шуточками относительно выстроившихся в две шеренги девушек.

– Господа, бьюсь об заклад, вторая девчушка с края должна быть презанятной штучкой, – заявил блондинистый усач, сверля взглядом мою несчастную подругу.

– С чего ты так решил? – лениво осведомился у него облаченный в темно-зеленый атлас длинноносый шатен.

– Видишь, плащ в земле? Видно, уже повалиться с кем-то успела. Крол, это не ты ее оприходовал?

– Не-а... – лениво отвечивал еще один блондин, живая иллюстрация самой популярной у институток книги «Классификация демонов-суккубов с описанием их злодеяний». – Это шестой курс, а я не специализируюсь по старым кошелкам. Самые дальние ряды – вот где самый смак. Там молодняк группируется. Глупы, восторженны, романтичны – все как я люблю. Правда, милашка?

– Ой! – отозвалась густо покрасневшая Роза и потерла бок свободной рукой.

Ущипнувший ее грубиян довольно ухмыльнулся.

– Скотина, – прокомментировала я столь возмутительное поведение офицера.

– Сама виновата. Сказано, накормить – беги и корми, а не пялься на мужиков, – не согласился голодный Риан.

– Господа, немедленно прекратите, – одернул свиту канцлера наш настоятель, хотя, на мой взгляд, недостаточно строго.

Зато на Розе устался так, что бедняжка задрожала, а мы вместе с нею.

– А ты, милая, что здесь делаешь? Работы не хватает?

Испуганно пискнув, Роза рванула в коридор, расталкивая офицеров. Вот только они не спешили расталкиваться. Каждый норовил прижать девушку к своему колючему от излишка бриллиантов мундиру. Когда она вырвалась, наконец, из этих неприличных объятий, то сиганула так, что у нас ветер в ушах свистел, а на поворотах мы больно стукались об углы.

Вихрем спустившись по узкой лестнице в цокольный этаж, Роза влетела в просторное помещение универсального назначения. Я хаживала сюда пару раз по поручению Агнесс. Мы называли это место людской. Здесь слуги столовались, устраивали небольшие постирушки, ремонтировали садовый инвентарь, ну и совершали другие неведомые мне работы.

В этот раз людская встретила нас клубами влажной жарой. На огромных козлах лежали широкие доски. За ними облаченные в одни сорочки потные служанки раскаленными утюгами отглаживали портьеры. Судя по нежной цветовой гамме, предназначались они для комнаты невесты. В огромном очаге, несмотря на летний день, пылал огонь, а на разогретых докрасна камнях грелись еще два утюга, дожидаясь своей очереди. Из огромного чана, что стоял рядом с очагом, густо клубился пар.

– Приказано вымыть, высушить, накормить, – звонко отработала запыхавшаяся Роза.

– Хорошо, – отозвалась одна из полуодетых девушек с утюгом. – А потом сменишь меня, а то я уже совсем запарилась.

Мы и опомниться не успели, как оказались в деревянной лохани. А потом на нас вылили поток мерзкой горячей воды.

– О-уу! – взвыли мы в два голоса.

Перепуганная блоха начала носиться по нашей шкуре, кусая все что ни попадя. Мы бы тоже с удовольствием кусались и царапались, но уступили превосходящему по силе противнику. Нас бесцеремонно распластали по днищу и принялись елозить по нам куском дегтярного мыла.

– Я тебя сгною! – кипятился Риан. – Нет, сожгу... Нет, утоплю... Нет, сначала утоплю, потом сгною, потом сожгу... И опять, нет. Сначала я тебя солдатам отдам. Целой роте солдат...

– Смирно превзнося невзгоды, я становлюсь угодной Богу, – бубнила я псалом №45, как заведенная, – терпением я грехи сотру, в сад райский ангелом взойду...»

Чем громче орал Риан, тем сильнее старалась я превратить жуткий рык в благозвучное мурчание. Жизненный опыт научил меня: слуг нельзя злить. Стерва Миона не понимает, что

остывшая по банным дням вода в ее лохани и вечно пересоленная каша – это не глупость слуг, а результат ее дурного характера. А я вот понимала, поэтому сейчас и терпела.

Между тем Рози оказалась чрезмерно чистоплотной девушкой. Или ей не хотелось гладить белье. Она нас терла мылом, окатывала водой, снова терла... Риан исчерпал весь запас ругательств. Наполовину оглохшая я стала путаться в строках псалма и вместо «угодной Богу» я пыхла «угодной Рози».

Когда мое мурлыканье превратилось в надсадный хрип, мучения, наконец, закончились. Рози завернула нас в теплое шерстяное одеяло и прижала к своей мягкой груди.

– Лапонька, – умилилась она, – сейчас мы тебя накормим и в твою комнату отправим баиньки. – Сони, ведь скажи, она прелесть?

Девушка, которая просила себя сменить, отставила утюг в сторону и приблизилась. У нее было доброе лицо замученной лошади и красные руки со вздувшимися венами. Она погладила нас между ушек и ласково сказала:

– Наверное, благородных кровей. Вишь, какие кисточки на ушках.

– А глазки какие несчастенькие, – присоединилась к разглядыванию нас еще одна служанка. – И мордочка худенькая. Эй, киса, кашку будешь?

– Мясо обещали, – буркнул Риан. – Кругом обман.

– Мяуо, – выдавила я из себя жалобно.

– У меня цыплячья грудка с обеда осталась, – вспомнила вдруг девушка-лошадь. – Киса, ты мясо ешь?

– Ем-м-м! – взвыл встрепенувшийся Риан.

Служанки засмеялись:

– Давай, Сони, неси скорее.

Но и на этом наши мучения не закончились. Некоторое время над нами еще поиздевались под всеобщий хохот. В то время как лентяйка Рози крепко прижимала наше извивающееся туго спеленутое тельце к себе, вовсе и не добрая лошадь Сони водила перед нашим носом умопомрачительно пахнувшим лакомством. Когда мучительницы натешились и положили, наконец, курицу на тарелку, а нас рядом с нею, аппетит так разгулялся, что мы принялись заглатывать пищу не жуя.

Конечно, это был великий позор, но мы ничего не могли с собой поделать. Преобразование в кошку потребовало много сил, и сейчас организм Тайиги требовал своего. И требовал так настойчиво, что от нашей гордости не осталось и следа. Риану все казалось, что злые шутницы собираются отобрать у нас еду. Он шипел и давился, а я не только не препятствовала ему, но и сама готова была вцепиться когтями в любого, кто посягнет на нашу курицу. Потому что тоже наслаждалась пищей, как никогда в жизни. Позднее Риан, успокаивая меня (а может, и себя), говорил, что такое состояние вызвано тем, что Тайига выздоравливал и нуждался в хорошем питании. Не знаю. В тот день я поняла, что никогда больше не буду есть каши. В Институте нас кормили лишь растительной пищей, утверждая, что это верный путь к смирению. Но когда Рози прижимали офицеры, мне вдруг впервые расхотелось быть послушной. А после купания остатки смирения смылись вместе с мыльной пеной. Теперь я не желала быть смирной. Я жаждала мяса. И настолько сильно, что просто удивительно, как я в свою первую за много лет мясную трапезу никого не изуродовала.

Служанки смеялись и шутили над нами. Но все же положили добавку, что несколько улучшило наше к ним отношение. Вторую порцию мы уже смаковали не торопясь, одновременно слушая болтовню девушек.

– Пользуются, что директриса уехала невесту встречать. Беспредел устроили. Стыдоба одна... Тьфу, – с отвращением фырнула Сони, в ответ на жалобу Рози о грубости офицеров. – Сегодня днем видела, как благородные господа развлекаются. Выловили они во дворе одну из институток, окружили да как загалдят: «Покажи личико, красавица. Давай,

не стыдись. Покажи личико». Она мечется между них, сердечная, молит отпустить, а те лишь смеются. Гады!

– Ужас-то какой! – ахнул кто-то. – А дальше-то что?

– Я все это со второго этажа видела. У меня как раз половое ведро с грязной водой было. Вот и выплеснула во двор...

Все дружно засмеялись, восхищаясь смекалкой и смелостью Сони. Я подумала и решила пересмотреть свое отношение к этой девушке. И совсем она не плохая. Вот стану человеком, объясню, что кошек нечего курицей дразнить, потому что у них психика тонкая – и тогда ей вообще цены не будет!

– А мне и обратиться сегодня толком не дали, – продолжала жаловаться на гостей Розы, – зато напугали до смерти.

– Как? Кто? – всполошились служанки.

– Да канцлер этот. Нэлиус который. Я, значит, в кабинет матушки нашей сегодня захожу, чтобы пол вымыть, пока ее нет. А там такое! Такое!

– Да что? Не томи!

– Звезда там шестиугольная на полу начерчена, – таинственно зашептала Розы. – Кро-
вью...

– Мамочки, жуть-то какая, – приглушенно всхлипнула Сони.

Наше пузико надулось, но на курином горлышке мясо самое сладкое, а косточки нежные! Вздыхнув, я хотела похрустеть ими, но Риан не дал. Он замер, явно заинтересованный разговором.

– По лучам свечи черные горят, в середине на картинке со зверем кукла восковая лежит, а в ее груди игла черная...

Ух, от такого даже меня пробрало. Розы, поощренная всеобщим вниманием, продолжила:

– Испугалась я сильно! Ведро у меня из рук выпало, да на узор тот проклятый и опрокинулось. Попятилась я назад... И тут...

Сони взвизгнула и тотчас в ужасе затолкала себе фартук в рот.

– Что? – дружно спросили все, тоже понижая голоса до шепота.

Розы встревоженно оглянулась. Одна из служанок бросилась к дверям и, выглянув наружу, плотно прикрыла ее, остальные сгрудились вокруг рассказчицы теснее.

– Канцлер, – округлив глаза, сообщила она. – Он меня прижал к стенке, завязки на блузке распустил так, что стыдно сделалось, и говорит: «Еще увижу здесь, убью, а проболтаешься»... И тут он вытащил свой кинжал и вот так им...

Она пальцем коснулась подбородка и провела вниз по шее до грудной ложбинки.

– Сказал, вот здесь посильнее нажмет, а потом вот так сделает... – она воспроизвела сложное движение рукой. – И буду я тогда не только без одежды бегать, но и без кожи... И все это спокойно говорит. Даже ласково. Я сразу поверила – так и будет.

– Ой, мамочки, – простонала Сони. – А ты сказала!

– Так, девочки, я ведь только вам...

Некоторое время все потрясенно молчали, переваривая услышанное. Мы тоже переваривали: плюхнувшись на бок и вытянув лапки. Мои мысли текли неторопливо и благодушно, невзирая на жуткий рассказ. Мне даже приснилась парочка ошипанных куриц. Они металась мимо нас и кудахтали: «Надо было молчать! Надо было молчать!» – а мы провожали их взглядом и не шевелились. Нам было лениво.

– Что здесь за посиделки? И что это за мокрая мерзость? – кончик кожного башмака неприятно ткнул в наш раздувшийся животик.

Мы недовольно вякнули и очень неодобрительно воззрились на благочинную сестру Пиру.

– Госпожи Норы Волковской питомица, – пискнула Роза.

– Так пусть она в ее келье и сидит, – рывкнула Пира. – А ну, лентяйки, живо работать. Ни на минуту оставить нельзя!

Мы возмущенно взвизгнули, когда Роза вновь схватила нас за шкурку и бегом устремилась на выход. Вскоре нас буквально швырнули на кровать Норы и захлопнули дверь.

– Плохо дело, – пробормотал Риан.

Кошачьим зрением я уловила тень. И это не походило на обычную игру света и тьмы. Тень выглядела слишком густой, слишком смолянистой. Бесформенной тучей она нависала низко-низко над спящим тревожным сном молодым человеком. Почти касалась его.

– Что это? – пораженно спросила я.

– Мощное колдовство. Если эта дрянь пожрет его душу, нам тоже не поздоровится, – торопливо объяснил напарник.

Парень застонал, когда из тени выпросталась уродливая когтистая лапа и потянулась к его груди.

Мы зашипели и прыгнули, собой прикрывая сердце парня, словно щитом. Недовольная Тень отпрянула и съежилась у изголовья кровати. Но не ушла, выжидая.

– И что дальше делать? – растерянно спросила я.

– Стихи читать.

– Как стихи? – удивилась я.

– Как умеешь и громко. Главное, чтобы не белые. Эта дрянь рифмовку не переносит. Давай, Лира, начинай. А потом я тебя сменю.

«Стихи, так стихи», – подумала я и, свернувшись клубочком, угрожающе заурчала:

Небо прыгнуло в ладошку
И свернулось словно кошка,
Песню ветра напевая,
Душу светом наполняя.
А потом оно скакнуло,
За собою потянуло,
Поиграться захотело,
Потягаться, кто быстрее...

7. Сокрушительная сила любви

С каждым часом тень становилась все гуще и сильнее. Ее больше не пугало ни наше присутствие, ни мои стихи. Когда запас стихов исчерпал себя, в бой вступил Риан и выдал несколько тирад на незнакомом мне языке. Они оказались действеннее моих рифмовок, но когда стемнело, увы, тоже перестали сдерживать призрачную тварь. Пару раз мы даже цапнули ее, когда она придвигалась к нам совсем близко. Хуже всего на эти нападения реагировал Анри. Каждый раз, когда тень касалась его, лицо покрывалось холодным потом, щеки впадали, а глаза проваливались. Лишь чуть слышный стук сердца свидетельствовал о том, что душа парня еще держится в теле.

Сейчас наш подопечный меньше всего напоминал зарвавшегося наглеца. Он внушал жалость. И дело даже не в том, что мы оказались тесно связаны. Он был человеком. Таким же, как еще недавно я. И теперь, вынужденная делить тело кошки с Рианом, я, как никогда раньше, осознавала всю хрупкую ценность бытия.

– Может, псалмы помогут? – нерешительно предложила я.

Риан, как ни крути, нечисть, и мне не хотелось ненароком навредить ему. Неожиданно для себя я привязалась к этому типу. А может, просто боялась остаться одна. Даже не знаю.

– Валяй, – после небольшой заминки разрешил мой сосед.

Но воззвание к Святой Троице и Святым Мученикам лишь распалили призрачную тварь. Тень зашипела и вытянулась по стене гигантской коброй.

– Держись! – закричал Риан, когда она оторвалась от каменной кладки и черной молнией ринулась на нас.

Удар оказался сокрушителен. Я вновь оказалась в водовороте. Он закрутил, завертел, и я поняла, что меня быстро уносит от тела кошки. Со стороны было видно, как маленький комочек весь ошетинился, зашипел, наотмашь ударил тень лапой, и та неохотно отступила.

«Ну что же, воюйте без меня», – подумала я, но пожелать Риану и Анри удачи напоследок не успела. Резким рывком меня вернули на место.

– Я же сказал, держись, – прорывал Риан. В его голосе kloкотало с трудом сдерживаемое бешенство.

– Зачем? – кротко осведомилась я. Близость встречи с Великим Контролером настроило меня на смиренный лад.

Но мне не ответили. Вместо этого Риан принялся вслух лихорадочно рассуждать. Тень дала небольшую передышку, собираясь с силами, и мой новый знакомый попытался выжать из этого временного перемирия все. Невольно я восхитилась этому глупому упрямству. Риан не желал признавать уже очевидного для меня поражения.

– Магически наведенная смерть – это очень мощное колдовство и требует от исполнителя много силы. Но в любой магии есть свое слабое звено. И это слабое звено, как правило, связано с эмоциями. Нам нужно их вызвать снова. Давай, Лира, думай. Что может заставить колдуна так ненавидеть Анри? Ты ведь знаешь этого парня. Вы с ним похожи как брат и сестра.

– Не приведи Троица иметь такого братца, – перепугалась я. – Я его впервые вчера увидела.

– Пусть так, – не стал со мной спорить Риан. – Но хоть немного вы пообщались. Чем, по-твоему, Анри взбесил колдуна?

– Вредный характер? – предположила я.

– Слишком размыто. А точнее?

Я обреченно взглянула на тень. С сумерками она становилась все сильнее. Даже если мы выдержим пару атак сейчас, что будет, когда солнце совсем скроется? Наши стихи впер-

мешку с шипением на нее уже мало действовали, а псалмы, на которые я так уповала, лишь разозлили ее и прибавили сил. Я не знала, что питало ненависть колдуна, но явно не набожность Анри. Кстати, парень был совсем плох. И чем сильнее проявлялись на нем признаки приближения смерти, тем сложнее нам с Рианом становилось управлять телом кошки. И это прекрасно чувствовала тень.

Она сделала новый бросок. Хвала богам, это оказалась обманка, но я все равно самым малодушным образом сиганула кошке в пятки, предоставляя Риану возможность самому шипеть и махать когтистой лапой. Содрогнувшись в беззвучном смехе, тень подчеркнуто неторопливо вернулась на свое место.

– Нам не спастись, – вздохнула я. – Нору жалко. Сначала она потеряла меня, теперь этого оболтуса. Грустно, что она успела привязаться к нему. Это так печально – терять любимых.

Тень, уже готовая снова атаковать нас, вдруг заметалась по стене, как ошпаренная.

– Что ты сказала? – переспросил меня Риан взволнованно.

– Печально терять любимых, – чуть удивленно ответила я.

Призрачная тварь забилась в еще более сильных конвульсиях, а потом, словно лишившись сил, принялась сползать со стены, сдвигаясь к краю кровати.

– А-а-а! – радостно заорал Риан так, что у меня заложило уши. – Значит, наш Анри перешел колдуну дорожку на любовном поприще! Ах, ты моя праведная умничка! Слушай, Лира... Ох, даже боюсь спросить...

– Спрашивай, – разрешила невольно польщенная я.

– Ты какие-нибудь песни о любви знаешь? А то я не мастак петь, а рифмовка, наложенная на мелодию, оказывает более сильное воздействие, чем обычные слова.

Знаю ли я песни о любви? Да я лучшая исполнительница романсов в нашей группе! Во всяком случае, так мне говорила классная Агнесс. А посему ломаться не стала. Я вспомнила, как Агнесс музицирует на стареньком клавишине, девочки чинно сидят полукругом, а я стою в центре. У нас всех головы обнажены. Музыкальная комната – единственное публичное место, где нам разрешалось так выглядеть. За исключением, конечно, помывочной. Наша классная утверждала, чтобы душа пела, она должна чувствовать сопричастность. А какая может быть сопричастность в неподвижных фигурах и сдвинутых капюшонах? Правильно, никакой.

И вот мысленно я выпрямилась, расправила грудь, вздохнула. И...

– Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность уповает
Ей в жертву счастье отдает¹,

– с воодушевлением принялась выводить я, а кошечка переводила мои рулады в громкое мурлыканье. В своем мыслепении я легко брала самые высокие ноты, вибрировала ими и наслаждалась от этого. Агнес мягко перебирала клавиши, рождая дивные звуки, а мой голос вплетался в них. Мы были словно выюнок и березка. Нежно обвивая теплый ствол, я поднималась все выше и выше, навстречу ясному солнышку, чтобы в какой-то момент оторваться и взмыть в небо быстрокрылой чайкой. Да что чайкой? Я казалась себе богом, когда легко взяла «до» четвертой октавы...

– Хватит! – рык Риана стал для меня подобен ушату холодной воды. – У тебя есть что-нибудь без этих истошных завываний?! Иначе, ты не только тень угробишь, но и нас с Анри.

¹ Стихи А. Дельвинга

Я снова оказалась в теле кошки в маленькой темной келье. У подножья кровати корчилась тень. Она уменьшилась в размерах и частично утратила свою черноту, но это не радовало. Риан прав, Анри весь позеленел. Он тяжело дышал, а его губы кривились так, словно еще немного и его вырвет.

Это нанесло сокрушительный удар по моему самолюбию! Он буквально уничтожил меня. Впечатал в землю. Раздавил, как букашку...

– Что-нибудь другое знаешь? – тише и как-то примирительно переспросил Риан.

– Нет, – насупилась я. – Сам теперь пой.

– Как знаешь. Помни, ты сама об этом попросила, – с угрозой произнес он.

Смысл этой угрозы я поняла сразу же. Нет, голос у него неплох. Без изысков, но мелодичный. Но вот содержимое!

– Прося руки прекрасной дамы,
Мы все лукавим, скажем прямо.
Рука – накой?! Ну ей-же-ей,
Руки хватало нам своей!²

– бодро принялся напевать он незамысловатый мотив и еще более незамысловатые строки. А главное, вот совершенно непонятно, где тут любовь?

И я повторила вопрос самым саркастическим тоном.

– В руке, конечно, – непонятно ответил он мне и коротко хохотнул. – Не веришь, посмотри на тень и нашего хворого.

И правда, тень трясло, как в агонии, а вот Анри задышал глубже, спокойней. Ничего я не понимаю в жизни. И как выяснилось в любви. В некоторой растерянности начала слушать дальше быстро входящего в раж исполнителя.

Скорей в постель, погасим свет,
Долой с себя одежду!
В ногах и вправду правды нет —
Поищем, что ли, между?

Кошмар! Если бы у меня были щеки, они бы запылали. Если бы можно было уйти, гордо хлопнув дверью, я бы ушла. Или хотя бы заткнула уши. Увы! Моя душа корчилась в муках от всего этого непотребства. Я терпела лишь потому, что этому учит нас Святая Троица. Утешало лишь то, что тень корчило больше, а главное – на щеках нашего больного появилось некое подобие румянца, а сердце застучало сильнее и более ровно.

Между тем куплеты шли один за другим.

Сколь блаженно естество,
Что резвится в виде голом,
Сотворяя баловство
С естеством иного пола!

– И сколько их у тебя всего? – наконец, не выдержав, спросила я.

– Женщин? – прервавшись, поинтересовался этот развратник.

– Куплетов, – рыкнула я.

– Много, – ненадолго задумавшись, ответил он, и продолжил горлопанить:

² Здесь и далее автор Роман Фролов (взято из Стихи.гу)

Мадам, не надо спать со всеми,
Коль нет одной любви до гроба.
Но все же глупо в наше время
Страдать в тиши от недо...

– Все! Замолчи! Немедленно! – взывала я так, что даже тень перестало в углу корезить.
На какое-то мгновение келья погрузилась в благословенное молчание. А потом тень начала стремительно расти, надвигаясь на нас. Она была зла. Очень-очень зла.

– Ладно, пой дальше, – выдавила из себя я.

Поздно. Тень больше не играла с нами. Мгновение – и тварь с пола прыгнула на стену, раздувая гигантский коброобразный капюшон, второе – и она обрушилась на нас черной ледяной волной. И меня снова выбило из кошки, словно пробку из-под бутылки святого пива. В бешеной круговерти замелькали стены, потолок, пол, кошка, Анри...

– Лира! – голос донесся словно издалека.

– Д-да? – мой голос дрожал.

Я даже подумать не могла, что душа может такое испытывать. В этот раз тень вложила в удар еще что-то. И от этого моя внутренняя суть леденела от ужаса.

Когда мощный рывок снова вернул меня назад в теплое тело, я едва не разрыдалась от облегчения.

– Ты как? – я удивилась тревоге в голосе Риана, и чувство признательности несколько согрело душу.

– Плохо, – с трудом отозвалась я. – А ты?

– Гадина сковала меня заклятьем. Не могу больше петь. Так что давай ты. Но умоляю, помягче. И без обид. Просто наши с Анри уши не рассчитаны на столь высокие диапазоны.

– Значит, Анри тоже нечисть, – вздохнула я. – Дожили! Спасая богомерзких тварей!

– А может, вы тоже для нас богомерзкие? – устало возразил Риан. – Слушай, давай теологические споры отодвинем на потом. Если это «потом» наступит. Давай уж, пой лирическое...

Но лирическое в голову не приходило. Вообще ничего не приходило. Оцепенение, сковавшее меня, препятствовало любым попыткам вспомнить хоть что-нибудь из шестилетних уроков музыки. Нам оставалось лишь одно – смириться с собственной участью. И тень отлично понимала это. Подчеркнуто не спеша она заползла на кровать, затемнило лицо жалобно всхлипнувшего Анри, затем лениво начала карабкаться на стену, вытягиваясь в зловещий силуэт кобры...

Внутри меня все сжалось от неминуемого. Мы с Рианом попытались заставить тельце кошки напряжиться в последней, пусть и безнадежной схватке. Увы, оно почти не повиновалось нам. Теперь уже точно пришло время проститься с земным существованием. И хоть память на псалмы тоже пострадала, я не теряла надежду вспомнить что-нибудь подходящее на дорожку.

– Лира, ты когда-нибудь целовалась?

Сказать, что вопрос застал меня врасплох, значит, не сказать ничего.

– А? – глупо переспросила я.

Тень тоже удивилась. Она застыла, недовольно взирая на нас.

– Ну, поцелуй там всякие, – терпеливо повторил Риан. – Детские увлечения. Все такое. Давай, Лира, колись. Поверь, лучше будешь говорить ты, а не я. Чтобы как с песнями не вышло.

Меня аж передернуло от отвращения при мысли о тех куплетах. Ощущения, вызванные ими, продолжали жить во мне своей жизнью.

– Не трусь, – продолжал он увещать меня. – Поведай перед смертью правду. Как там у вас сказывают? Облегчи душу...

Это да. Отец Птольцус нам такое пытался внушить. Говорил, что от чистосердечной исповеди скидка нам всем будет от Великого Контролера. Не знаю, как Контролер, но сам Птольцус грешниц любил. Девчонки даже выдумывали про себя всякое, чтобы им оценки хорошие поставили по Святому Писанию. Я же отметки зубрежкой предпочитала зарабатывать и особо никогда не откровенничала. А вот сейчас, видно, время пришло. И раз ни одного псалма не помню...

Собравшись с мужеством, я призналась:

– С Норой один раз было. Когда книжку про суккубов читали.

Тень передернуло от отвращения, а Риан наоборот воодушевился.

– С языком? – деловито осведомился он.

– Да, – чуть слышно пролепетала я.

– И кто из вас был суккубом? – развеселилось это воплощение пошлости. – Подожди, дай угадаю. Наверняка ты! Ты ведь у нас девушка страстная. Помнишь, тогда, у клетки...

– Да иди ты на фиг! – возмутилась я. – Больше ни слова из меня не вытянешь. Да гори все синим пламенем!

Разрастись моей обиде не дал скрип открывающейся двери.

Нора вытащила из-под плаща кувшин с дымящейся жидкостью, зажгла свечу и приблизилась к кровати. Выглядела она ужасно, особенно в колеблющемся свете пламени. Нос распух, а под левым глазом налился фиолетом огромный синяк. Сейчас подруга меньше всего напоминала благородную институтку. Скорее орка после пьяной потасовки.

Не обращая на меня-любимую внимания, она склонилась над Анри и прикоснулась губами к его лбу.

Плевков и позывов к рвоте она не услышала, как и не заметила саму тень, их издающую. А вот мы с Рианом приободрились. Судя по слабому стону Анри, он тоже.

– Прости, что оставила тебя, – всхлипнула подруга. – Я принесла тебе настой петрушки. Давай, мой хороший, тебе надо это выпить...

– Везунчик этот Анри, – хмыкнул Риан. – Твоя подружка почище наших песен сработает. А пока у нас есть время, веди нас живей в тот кабинет, о котором служанка рассказывала.

– Я не оставлю Нору наедине с этим типом, – заупрямилась я.

И вообще, с чего это он вдруг взялся мною командовать? Сначала высмеивает мое пение, потом гнусностями всякими грузит, затем заставляет исповедоваться. Да кто он вообще такой? Нечисть! Чтобы он ни утверждал. А кто я? Будущая сестра милосердия. Святое милосердие чего требует? В трактате Преподобного Рохли ясно написано: «Оставайтесь с больным до самого конца. И своими речами готовьте его к свиданию со Святым Контролером, чтобы встреча эта не расстроила Великого». Нора, судя по всему, никаких душеспасительных бесед вести не собиралась. Более того! Я всерьез опасалась за ее душу. Подруга явно была не в себе.

– Ты такой холодный, – прошептала она и прижала к губам его руки.

– Согрей меня, хвостатенькая, – мгновенно отреагировал наш умирающий распутник самым что ни на есть жалобным голосом.

Мой возмущенный возглас не смог заглушить странных звуков из угла кельи. Тень тошнило черными кусками самой себя.

Риан заставил нас спрыгнуть с кровати и двинуться к дверям.

– Все, Лира, заканчивай монашку-недотрогу включать. Ничего Анри твоей подруге не сделает. По крайней мере сегодня. Уж поверь мне, не в том он состоянии. А вот мы, если

не успеем до ночи с колдовским узором разобраться, имеем все шансы вместе с ним отбыть в мир иной.

Что мне оставалось делать? С достоинством покориться.

8. Престарелая невеста

Теперь, когда я стала кошкой, коридор казался тягуче-длинной призмой, упирающейся в черноту. Узкие окна-бойницы, как и чадающие факелы не в состоянии были разогнать густеющую темноту. По обеим сторонам шли двери. И почти из каждой доносилось лаянье, мяуканье, чириканье... Домашние питомцы чувствовали приближение того часа, когда хозяйки вернутся из учебных аудиторий и отведут их на прогулку.

Когда проходили мимо двери Мионы, раздавшееся истошное тьяканье заставило меня притормозить. Гайша, такса моей сестренки, в остервенении билась об дверь, почуяв кошку. А кошек эта рыжая сучка очень любила. Причем исключительно в гастрономическом плане. Но не в смысле съесть, а в смысле распотрошить.

Вспомнилось тут, что она сделала с Таей, нашей с Норой домашней любимицей, и я вспылала ненавистью за весь наш бедный кошачий род. Посмотрела по сторонам: никого пока видно не было. Это только Нору отпустили пораньше по причине ее разбитого носа. На наше счастье – как бы цинично это ни звучало.

Гайша, почувствовав интерес к своей особе, сорвалась на визг. Я злорадно усмехнулась, пристроилась и...

– Эй, ты что делаешь? – встревожился Риан, прервав молчание.

– Мщу, – с достоинством произнесла я и выжала переварившуюся курочку.

В ответ раздался скулеж и скрежет. Свихнувшаяся от злости такса Мионы пыталась когтями процарапать дыру в дубовой двери. И эти иступленные звуки стали бальзамом для моей истерзанной волнениями души. Мне снова было хорошо! Я снова хотела жить! Я замурлыкала...

– А ты страшная женщина, Лира, – хмыкнул Риан.

– Всегда помни об этом, – важно ответила я и весело потрусила дальше.

Пару раз нам встречались служанки, но мы легко укрывались в тени. Да если бы и не укрывались – вряд ли бедняжки нас бы заметили. В преддверие приезда невесты наследника девушки носились по коридорам как угорелые, выполняя последние распоряжения Пирь.

До четвертого этажа мы добрались по черной лестнице без приключений. А вот дальше начались осложнения. Уже знакомая парочка в виде длинноносого шатена и смазливой блондина слонялась без дела по холлу. Они явно не знали, чем себя занять. Их приятель сидел на табурете рядом с дверью в кабинет. Он начищал и без того сверх меры отполированную шпагу. Из соседнего помещения слышался стук костей и взрывы смеха. Остальные brave офицеры развлекали себя игрой.

– И что дальше? – скептически поинтересовалась я, когда мы нырнули под тяжелую портьеру.

В отличие от нижних этажей, открытое пространство здесь заливал предзакатный свет. Зловещим багрянцем он раскрашивал сложный орнамент паркета и гобелены со сценами из жизни Святого Иереми. Дождаться сумерек я тоже не видела смысла. Как только стемнеет, зажгут канделябры. Их было слишком много для такого небольшого и многолюдного помещения, чтобы у нас появился шанс пробраться в кабинет незаметно.

Риан не успел мне ответить. Офицеры вдруг дружно сделали охотничью стойку. К ним быстро приближалась институтка, плотно закутанная в плащ. Она показалась мне очень странной. Не из-за роста – тут меня могло подвести недавно обретенное кошачье восприятие ставшего вдруг огромным мира. Незнакомка слишком уж странно двигалась! Нам с первого курса прививают плавную походку, а здесь шаг быстрый, размашистый, что особо поразительно, если учесть узкое платье под плащом.

Но офицеров это не удивило. Они обступили девушку, пресекая все попытки бегства.

– Я сражен вашей красотой, леди, – воскликнул блондин, пылко заглядывая в темный проем капюшона. – Позвольте представиться. Виконт Пит Стотский.

– Скотский, – пробурчала я.

Он бесцеремонно сжал девушку за локоть, не давая двинуться дальше.

– Поручик Стэн Лэнский, баронет, – звонко щелкнул каблуками шатен.

– Прекрасная мадемуазель, отныне я ваш самый преданный поклонник, – отрапортовал усач и резким кивком подкрепил свои слова. – Корнет Рон Турский, к вашим услугам.

– Ну, раз мы уже знакомы, – рука Стотского переместилась с руки несчастной девушки на ее талию, – почему бы не отметить столь знаменательную встречу? У меня есть...

Что у него было, мы так и не узнали. Плащ взметнулся темным облаком, и brave офицеры с грохотом обрушились на паркет, гремя своим начищенным и не очень оружием. В соседней комнате раздались встревоженные звуки, но оказалось поздно. Странная девушка уже скользнула в кабинет. Ну и мы, пользуясь всеобщим замешательством, следом.

Дверь ненадолго запустила в комнату вместе с нами сноп света и сразу же закрылась. Обычно светлый кабинет преподобной матушки оказался плотно задрапирован. Я успела разглядеть черный силуэт крупного мужчины. Он сидел за массивным дубовым столом. Колеблющийся свет единственной свечи падал на толстенный талмуд и отражался в окружающих его многочисленных бутылочках и колбочках.

Мы нырнули под пуфик и затаились. Розы не соврала. На полу действительно влажно поблескивала звезда.

– Я же сказал, никого не пускать, – рыкнул канцлер, резко отодвигая кресло. – Вы там что, совсем с ума сошли!

– Уйми своих шавок, канцлер, – голос посетительницы оказался совсем не девичий.

И он произвел неизгладимое впечатление на хозяина кабинета.

– А ну вон отсюда! – гаркнул граф Нэлиус на ворвавшихся офицеров, а потом гораздо тише и значительно почтительнее произнес: – Прошу прощения за это недоразумение. Признаться, удивлен нашей встречей.

– А я удивлен, что ты не спешил на встречу со мной, – вкрадчиво заметил таинственный посетитель, когда дверь с грохотом захлопнулась. – Но ты же не думал, что спрячешься здесь от меня?

– Я не п-прятался.

– Тогда поведай мне, Нэлиус, где Тайига? Почему он до сих пор не сгорел?!

– Я в-в-все об-бъясню, – еще сильнее стал заикаться канцлер.

– Ну, попробуй, – кресло скрипнуло под весом тела.

– Кто-то очень мощный играет против нас. Зверь был заперт надежно. Я сделал все, как вы говорили. И клетку покрыл серебром, и на замки заклятие наложил то, что вы сказали. Уже сегодня его должны были торжественно сжечь, вот только утром клетка оказалась пуста. Не представляю, как такое могло произойти! – сбивчиво лепетал граф. – А главное, мои ребята так и не смогли взять след. Работал профессионал. Он принес бесогон и уничтожил с его помощью следы на всех трех пластах реальности.

– Понятно. Тайигу ты упустил... А где другой твой клиент?

– С ним как раз все в порядке. То есть, не совсем... Ему тоже удалось от нас скрыться...

– Тоже, значит, – очень ласково повторил незнакомец.

– Прошу вас, выслушайте! – взмолился канцлер. – Никуда ни Тайига, ни баронет не денутся. Мои парни достали образцы крови Анри, а перед этим предусмотрительно связали парня и Тайигу магическими узами. Если вы изволите внимательно изучить пентаграмму на полу, то заметите, что она призывает Тень Анри. Считайте, парень уже труп. А значит, Тайига тоже.

Некоторое время в кабинете царила задумчивая тишина. Мы с Рианом молчали тоже, боясь даже дышать.

– Не то, что мне хотелось, – лениво протянул незнакомец, – но лучше так, чем никак. Я вижу, заклятье работает уже несколько часов, но, судя по состоянию пентаграммы, наш шалопай все еще жив. Мало того, вполне неплохо себя чувствует. Почему?

– Он накачал себя святым пивом, чтобы ослабить заклятие, но сопротивляться долго все равно не сможет. Святое пиво против его же собственной Тени – вы же понимаете, это смешно. Вы не волнуйтесь, господин Мракус, парень никуда не денется. Заклятье верное.

– Может и верное, – хмыкнул Мракус, – и все же мне придется пересмотреть условия нашего договора. Надеюсь, вы не будете возражать.

– Я слушаю вас, – обреченно прошептал канцлер.

– Мне нужен Королевский Курган, – припечатал Мракус.

– Невозможно! – перепугался канцлер. – Это наша святыня! Курган имеет стратегическое значение. Сила, что там накоплена, позволяет держать Разлом между затмениями на замке. Без него твари из Преисподней шастали бы к нам как к себе домой, когда им вздумается... Ох, что я несу? Простите меня, господин Мракус!

– Ну-ну, не трясись ты так. Не в моих правилах обижаться на дураков, – хохотнул Мракус. – Курган не имеет никакого отношения к активности Разлома. Она больше связана с нашими местными дрязгами, чем с убогими ритуалами ваших святош. Ваш мирок для нас – тихая гавань, где можно переждать бурю и откормиться. Жаль только, ворота открываются раз в шесть лет. Это создает определенные неудобства. И мне очень хочется проделать собственную маленькую дверцу между нашими мирами. Королевский Курган давно уже привлек мое внимание. Весьма забавное местечко.

– Я дворянин и слуга короля, – неожиданно пробудившееся в канцлере достоинство радовало. Но недолго. – Вы толкаете меня на величайшее преступление...

– Ты знаешь, что такое боль, Нэлиус? Не физическая. Маг твоего уровня легко блокирует болевые рецепторы. Я говорю о муках бессмертной души. Ты заключил договор и не выполнил. Твоя душа в моей власти. Например, я могу сделать вот так... Терпи молча, слизняк! – рыкнул незнакомец, и вырвавшийся из канцлера вопль оборвался на полуноте.

Стук в дверь прервал эту жуткую беседу.

– Господин канцлер, все в порядке? – осведомился один из офицеров, чуть приоткрыв дверь.

– Да, – гаркнул канцлер, тяжело дыша. – Не беспокоить!

– Жаркая штучка, – услышали мы тихий смешок и дверь закрылась.

– Мне продолжить демонстрацию своих возможностей? – осведомился посетитель.

– Н-нет, прошу вас, – всхлипнул канцлер. – Курган – собственность государства, но вот парк, где он высится, принадлежал прежней королевской династии. Предки герцога Савойского по женской линии владели им, и герцог вполне может претендовать на него. Мы можем начать тяжбу. Дело, конечно, сложное, но вполне решаемое... Так вот, к чему это я. У герцога есть дочери. Младшая уже помолвлена, а вот старшая... Думаю, он не будет долго артачиться. Лира – девушка перезрелая, а у нас появится шанс прибрать Курган к своим рукам. Тем более наш король его не слишком жалует и давно мечтает избавиться от столь сомнительного наследия.

– Это я перезрелая? – возмутилась я. – Ах, ты старый хрыч!

– Дай послушать, – шикнул на меня Риан.

Между тем канцлер явно вошел в раж. Идея, что посетила его перепуганную до полусмерти душонку, превращалась в настоящий план будущих действий.

– ...Уверен, герцог будет рад спихнуть Лиру хоть кому-то, чтобы не платить монастырю за ее пожизненное содержание. Дела у него сейчас не очень. А Королевский Курган

давно хотят прикрыть, – канцлер говорил все торопливее, распаляясь. Судя по всему, идея откупиться тем, что ему не принадлежало, нравилась Нэлиусу все больше и больше. – Горожане жаловались на вечный смрад и неоднократно обращались к королю с просьбой перенести место казни ведьм подальше от города. Сами понимаете: никому не хочется жить там, где постоянно воняет горелой плотью. Да король только обрадуется, если герцог потребует Курган себе, а герцог, в свою очередь, будет счастлив сбавить свою дочь-перестарка, если с него потребуют такое приданое... Считай, свадьба ему и стоить ничего не будет. Вот только нужно придумать, как вас представить ко двору...

– Тут нет проблем. Магия крови позволяет мне принять личину любого высушенного мной существа. А вот со свадьбой – сложнее. Я не имею права жениться. Но с другой стороны, свадьба по вашим обычаям у нас законной не является, – вслух принялся размышлять Мракус. – Ну, что же, задумка неплохая, но особо не затягивай. К концу месяца я должен быть единоличным владельцем Кургана. И чтобы ни одна живая душонка не смела к нему приближаться без моего ведома. А теперь проводи меня, а то твое офицерье слишком любвеобильно. Не хочу пока лишать тебя охраны...

Как только кабинет опустел, Риан вытолкнул нас из тени.

– Меня замуж! – я не могла поверить этому. – Это все так неожиданно. А я даже не разглядела его. Риан, как думаешь, он старый?

– Вот почему у вас, девок, при мысли о замужестве крышу сносит? – буркнул Риан. – Я же тебе говорил: Мракус уже женат, и то, что его супруга мертва, ничего не меняет. Любой повторный брак будет незаконен. Мало того, навлечет проклятие на обоих. Обряд свершен под покровительством Тайиги, поэтому не типичен и заканчивается фразой: «Отныне даже смерть не разлучит вас».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.